

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багатицкий, В. Болотников, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Гельфинского, М. Убощего, М. Горьбянского, М. Чарного, Е. Успенкич.

ЦЕНА 20 КОП.

29 ОКТЯБРЯ 1933 50 (305)

АНРИ БАРБЮС И ЖАН БЛОК ПРОТЕСТУЮТ ПРОТИВ ЛЕЙПЦИГСКОЙ КОМЕДИИ

Ассоциация революционных писателей и художников Франции выпустила свой 5-й «Красный листок» — В ЗАЩИТУ ТОРГЛЕРА, ТАНЕВА, ПОПОВА И ДМИТРОВА.

В листке помещена статья П. НИЗАНА (от бюро АРПХ) — «Лейпциг-Сайгон», статья ЭГОНА ЭРВИНА КИША «Известные доказательства мосье Геринга», заявление АНРИ БАРБЮСА, профессора ЛАЙЖЕВЕНА и ЖАНА-РИШАРА БЛОКА, отрывок из рассказа И. БЕХЕРА и стихи ЭРНАНДА ЖАНА (каменотес, поэма которого была признана лучшей на конкурсе, организованном «ЮМАНТЕ» «Не надо, чтобы их увидели»).

Приводим заявления Жан-Ришара Блока и Анри Барбюса.

ВМЕСТЕ С НЕМЕЦКОМ ПРОЛЕТАРИАТОМ

Я долго колебался, принять ли участие в кампаниях против «германских зверств». Каждому добросовестному человеку следовало бы отступить от них при одном воспоминании о том отвратительном засорении мозгов, какое имело место в 1914 году. Пусть предостерегающие уроки истории принесут пользу хотя бы в этом отношении!

грабительским путем захватить долины великого и несчастного народа. Трудно предвидеть, как долго Германия будет господствовать над миром, но я думаю, что живые силы всего немецкого народа сбросят с себя эту отвратительную тираню.

ЖАН-РИШАР БЛОК

БУДЕМ СУДЬТЬ СУДЕИ

Как ни многочисленны и ни велики преступления, совершенные фашистским империализмом, впервые в истории правительство наделило историю правосудия, какой является лейпцигский процесс.

Ни у кого в мире не может быть сомнения, что Торглер, Димитров, Попов и Танев не виновны — так же как не виновны были Сакко и Ванцетти, как не виновен был Том Мунни, — в том преступлении, в котором их обвиняют. Больше того: известные подлинными виновниками этого преступления — лица, возглавляющие самое германское правительство!

Пусть народные массы всего мира в свою очередь станут судьями и перед лицом процесса и контр-процесса, который параллельно в дошедшей комедии Гитлера и Геринга организован людьми, обладающими совестью, пусть они вынесут свой приговор, громко провозгласят его и заставят принять его!

АНРИ БАРБЮС

Листовка о лейпцигском процессе

Один из плакатов Изюга к 15-летию ВЛКСМ. Худ. Сенькин

М. Горький

О „ЗРИТЕЛЕ“

Существует международное племя человекоподобных — зрители. Внешне зритель почти таков же, как все люди: двуногий, в брюках, передние конечности развиты нормально и вполне ловко служат ему для приема пищи, а также в случаях общения с особами иного пола. Своего всего зритель имеет голову. Сия последние, как у всех животных, высекает глаза, они и служат зрителю основным органом его связи с внешним миром, а преимущественно приспособлены для изыскания «сучков» в глазах излюбленных людей, например, детей, исследователей и т. д. Не следует думать, что зритель равнодушен наблюдателю, ибо наблюдатель интересуют смыслы фактов, процессы организации фактов, зритель же отмечает почти исключительно изменения привычных форм и отношений, приспосабливая эти изменения к своему безумию войны, коей в дьявольской гордости своей изменяет, разрабатывает и даже испытывает все извращенные приспособления, приятные привычному и существовавшее века, не возлагая на человека никакой ответственности за свое безобразие, тоже привычное и как бы даже невидимое.

Например: заметив надстроивший этаж на одном из двухэтажных домов какой-нибудь лежачий человек, зритель не усмотрит в этом факте ничего, кроме искажения архитектуры старого здания. И если даже сам он, может быть, тоже страдает от жилища тесноты, однако единоличному соплеменнику своему скажет: «Портят Моекву, Чухлому из Москвы делай», хотя в Чухломе не был, что она такое — не знает, и даже из уверен: город это или символ густоты?

Сам он, зритель, скромно и от участия в строительстве разнообразно уклоняется. Он не любит ответственности, ответственность не симпатична ему. Он знает: начесть что-нибудь делать, бездарно и противно совести, невольно ошибешься — ругать будет. Совесть у него составлена из трех слезающих: нежной привязанности к прошлому, непоколебимой антипатии к настоящему, из страха перед будущим. «В старину жилили деды всея земли своих вчучат, нимамо не нуждася в блямингах, микрокопалах, метрополитенах и вообще не рисуюсь друг перед другом ухщепинии разума, чорт бы его побрал! Европа, с которой предки брали пример, поумнее, гонит в шею этот разум. Вот, например, Германия, страна философов, музыкантов, скажательных ученых... Там скажатель, да прекратятся евреи! И прекратились.

Конечно, нельзя отрицать полезности некоторых начинаний. Неожиданное открытие Беломорско-Балтийского водного пути, успех полета в стратосферу, синтетический каучук успешно выдержав жаркое испытание на Кубани, найденное золото, рабочие харьковского завода «Серп и молот» организовали конференцию по вопросу воспитания детей, на месте Симонова монастыря построен великий театр, способный вместить зрителей в три раза больше, чем вмещала церковь, но это театр не совсем для чистых зрителей, а скорее для деятелей... Ну, и так далее. Конечно, строим.

Но не пора ли несколько понизить «вредно действующий на приличные нервы шум, дым, треск»? И — допустима ли жилищная теснота в стране знаменитой обилием степей, пустынь, болот и разнообразных ископаемых? В общем, зритель не столько эстет, как убежденный бездельник и созидательный дармоед. Однако это отнюдь не природные его качества, а только его способ замощения от различных неприятностей и беспокойств. Если б ему, зрителю, разрешили открыть собственную лавочку, какую-нибудь такую беспартийную торговлю свободно маринированными грибами или, например, газету «Социалистические новости», он покачал бы себя весьма энергичным существом, вроде, примерно, крысы. Боевым отделом газеты служил бы отдел «Мелочи жизни», ибо глазок зрителя особенно четко видят зримо мелочи. В отделе этом зритель находил бы множество интересных сведений и разоблачений призрачности такого тона: «К партийной чистке. Нам сообщено, что ответственный работник (имя рек) скрывает под левым усом следы борозды лавки. Или: «Националь» заменен был известным Икс в хмельном виде и под руку с дамой, совершенно не похожей на его супругу, О. темплату О. морель».

Разумеется, в газетке этой сообщалось бы и о том, что китайские лавочники готовы заключить союз с невинными им лавочниками Японии, союз на предмет истребления красных китайцев, рабочих и крестьян. Такие сведения печатались бы без комментариев, без указания на то, что для лавочников всех племен и наций представляется «роднее» делать, бездарно и ограниченно предавая им лавочек и что все лавочники — сужены дети. Конечно, газетка зрителя не вспоминала бы в этом удобном случае о том, как в 18—21 гг. русские лавочники и приказчики их продавали русский рабочий народ английским, японским и прочим торговцам кровью.

Зритель — неутомимый и неутомимый крилик, но к самозакрике органически не способен. Живет он толчками сзади, и каждый раз, когда история дает ему почувствовать силу свою, он, поглаживая мягкое место ушиба, охает и стонет, обвиняя историю в несправедливости обращения с ним, «непорядочной личностью», «шарем природой», и прочая и прочая. На фоне действительности нашей зритель уже комический тип материализма. Не редко случается, что он сам делает литературу и вот это очень плохо, вот это нужно знать и чувствовать молодым нашим литераторам, ибо укусы трупной мухи могут вызвать общее заражение крови.

Заканчивается всесоюзный конкурс на лучшую пьесу. Прислано 500 пьес. Через три дня заканчивается всесоюзный правительственный конкурс пьес. Около 500 пьес прислано на конкурс из различных районов СССР, как от писателей-профессионалов, так и не-профессионалов. В юрисконсульта поступило до 50 пьес на языках народов СССР (грузинском, украинском, армянском, татарском, узбекском, тюркском, белорусском, еврейском, таджикском, башкирском, греческом, удмуртском и др. языках).

Среди присланных пьес огромное разнообразие тематики и жанров. Преобладает современная советская тематика — колхозная и индустриальная. Значительное количество пьес посвящено проблеме фашизма за рубежом. Ряд пьес отражает национальное и культурное строительство СССР и т. д. Жанр представлен очень полно — от эпопей до комедии-буфф.

В этом номере 6 страниц

15-летие ВЛКСМ и советская литература

Ленинскому краснознаменному комсомолу исполнилось 15 лет. Славный, героический путь пройден комсомолом в борьбе за диктатуру пролетариата, за социализм под руководством большевистской партии во главе с Лениным и Сталиным. Закалялись в боях гражданской войны, в рядах Красной армии, в годы восстановления хозяйства на заводах и предприятных в первую и вторую пятилетку, на новостройках, на полях колхозов и совхозов, комсомол рос и растет, креп и крепнет политически, культурно, подымая все новые пласты масс молодежи на сознательную революционную борьбу, на активное участие в строительстве социалистического хозяйства, техники, науки, искусства.

Творческие пути советской литературы связаны с жизнью и борьбой комсомола самыми тесными, кровными узлами. В рядах энтузиастов пролетарской литературы, когда она давала еще лишь первые ростки, воспоминания октябрьской победой, комсомольцы вместе и под непосредственным руководством старых большевиков-литераторов образовали первые ячейки, передовые отряды борцов за социалистическую литературу, за новое художественное слово, за новый тип писателя, за новое отношение искусства к действительности.

Комсомольцы, пришедшие в литературу, стойко боролись за линию партии в литературе, разоблачали и били барские реакционно-буржуазные воззрения Троцкого, Воронского, били по «левому» ребячеству, по наплевательскому отношению к культуре прошлого.

История пролетарской литературной организации в период, когда она достойно боролась за линию партии в литературе, органически связана с активностью, инициативой, творчеством большевистской молодежи. В ряде республик Союза пролетарские литературные организации создавались на основе комсомольских литературных кружков, литературных собраний при комсомольских журналах. До сих пор продолжается эта традиция связи комсомола с литературой. Вместе с лучшей комсомольской газетой Союза «Комсомольская правда» и другие комсомольские газеты имеют систематически выходящую «литературную», при редакциях живут и работают литературные кружки, действуют литконсультации и т. д. Комсомол активно способствовал борьбе против ошибок Б. РАЙП и сейчас оказывает крепкую поддержку оргкомитетам советских писателей в осуществлении постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 года.

Эта активность комсомола в литературе, постоянный деятельный интерес его к развитию нашей литературы, помощь его созданию новых литературных кадров требуют от советского писателя многого. Связь писателя с комсомолом, совместная литературная работа далеко еще не поставлены удовлетворительно. Прежде всего здесь встает вопрос о творческой связи. Внимание советского писателя к комсомолу и тому беспартийному юноше, девушке, пионеру, которые готовятся стать комсомольцами, пока еще совершенно недостаточно. Какая пропасть, какая резкая противоположность между советским молодым человеком, сознательным воспитанием детей, на месте Симонова монастыря построен великий театр, способный вместить зрителей в три раза больше, чем вмещала церковь, но это театр не совсем для чистых зрителей, а скорее для деятелей... Ну, и так далее. Конечно, строим.

борцом за коммунистические идеи, не только знающим, в чем «смысл жизни», но и энергично, радостно воплощающим этот смысл жизни вместе со своим классом под руководством своей партии, и типом революционного юноши-бурсака или юноши-сноба, топящих в пьянке и разгуле скудоумие, духовную пустоту, жалкое честолюбие. Творца убежденности, умственной и нравственной борьбы, дисциплинированной большевистская воля, заключающаяся в непримиримой борьбе с контрреволюцией, со всеми врагами партии, большевистская жизнерадостность, полнокровно-социалистическое отношение к миру — все это достойно серьезных, глубоких произведений. К сожалению, до сих пор еще зачастую комсомольцы и комсомол отражаются в художественной литературе, в драматургии слишком внешне, поверхностно, схематично, односторонне. Комсомолен берется часто так, как он попался на глаза.

Перед писателем стоит задача показа комсомольца — работника МТС, подотделов, транспорта.

Наряду с этим более широким охватом комсомольской тематики, всесторонним воплощением в литературных образах жизни и творчества комсомола, необходимо улучшить постановку литературного воспитания молодежи. Надо сказать откровенно, что очень часто литературные интересы охватывают только узкий круг комсомольцев — широкой литературы, не входя в плоть и кровь широких масс. «Левая» методика в школе привела к тому, что учащиеся нашей средней школы молодежь (а ведь наши рабочие и колхозная молодежь почти все были прошли или проходят через среднюю школу) не получила систематического литературного образования, не могла воспитать в себе хорошего художественного вкуса, не вырабатывала должного представления о критериях марксистско-ленинской оценки литературных произведений. Этим объясняется, что в наших вузах и вузах находится очень много студентов, не знающих ни классиков, ни лучших наших советских авторов. Систематическая литературно-образовательная и воспитательная работа в средней и высшей школе должна стать одним из важнейших разделов работы оргкомитетов.

Особое внимание нами должно быть уделено подготовке новых литературных кадров. Кабинеты, литконсультации, консультации через комсомольскую печать, организация литературных семинаров для начинающих и молодых писателей и поэтов — основные мероприятия в этой области. Самое главное здесь — обеспечить систематичность подготовки, научить молодого писателя работать над собой всесторонне и упорно. Трудно исчерпать весь большой круг вопросов, стоящих перед сотрудничеством комсомола и советского писателя. На наших глазах комсомол вырос в больше, чем четырехкратную организацию. И вот эта великая, прекрасная сила должна быть вооружена таким могучим оружием, как советская художественная литература.

Советская литература должна глубже, полнее черпать из этого живительного комсомольского источника. Мы уверены, что эту задачу наша литература с честью выполнит.

ГЕРОИ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ

„Я НИКОГДА НЕ БЫЛ БЕСПАРТИЙНЫМ“. — КОГДА СОБИРАЮТСЯ ДРУЗЬЯ КОМСОМОЛЬСКОГО ДЕТСТВА. — ТРАДИЦИИ ДАВНО ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ. — КОМСОМОЛКА ПОПРАВЛЯЕТ ПИСАТЕЛЯ. — ГДЕ НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТИПЫ? — ДАЙТЕ ЛИТЕРАТУРУ О МОЛОДЕЖИ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕ

Я. Шведов взял острый эпизод комсомольской биографии. Но и у Яни происходит не выбор пути, не поворот в классовых симпатиях. С первого дня есть недомолвки с Андреем, неуничтоженный барьер приваженности. Первая только приходит то, что смутно уже брошено в мыслях и чувствах. Конечно, неизбежен рост такого комсомольца, никогда не бывшего беспартийным за годы революции. И. Богданов задумал в повести «Племянники друзей» собрать вместе комсомольцев, расставшихся много лет назад. Разнокалиберные и разнокаменные события их жизни едины в том, что снова сводят их в киевские строительные, в водопровод, социалистической эпохи как бойцов, ударников, чуждых выпускников житейской школы. Есть среди них отщепенцы. Истеричный Тудманов, мучающийся в поисках подруг, нашумевшая семейная приваженность. У других — ухабы и овраги на пути. Но соберите друзей комсомольской поры — и придет пробившийся сквозь чащу лет проработавший и изобретатель, полярные путешественники и авиаторы, врачи и молодые ученые, носители всего лучшего многообразия нашей социалистической культуры. Комсомол и командные кадры не во всякой биографии пролетает по прямой, это маршрут является типичным, выражающим главное в комсомольце как нашем современнике.

Отсюда важность комсомольского образа как одного из наиболее убедительных показателей общего роста. Функция образов молодежи в советской литературе резко меняется. Не конфликт поколений, не борьба «отцов» и «детей», а рост рачительных и упорных наследников, продолжателей и завершителей коммунистического строительства. Однако наших писателей до сих пор не покидает традиция изображения молодежи в духе давнего прошлого времени. У нас много вещей о молодежи, завершающих циклы, предельные циклы. Очень многие писатели попятятся подвиги итог старым литературным родовоснованиям. Иные из них решительно отказываются в советском портрете беглым из прошлого, коматом Павлика в «Среднем проспекте» М. Слонимского свежее и даже начинает вслушиваться в жизнь, но — лишь выжужженая скрупула благородного Обломова. Леня утратил свою милость. Безвольная обреченность цепким паразитизмом. Ю. Олеша швырнул Кавалерова на пуховики тупой мешком.

В «Наследнике» Л. Славина пропала с образом традиционного молодого человека еще пропавшего нежизни и сожаления. Писатель уходит вперед замедленной походкой. Но в «Интервенции» Женке Кендас уже предельные все века. Финальная точка здесь отчетлива и настоятельна. В «Юноше» Б. Левина целая галерея молодых людей. Кто из них вырастает сразу, всем существом из революционных корней?

Недавно Л. Леонов в «Скутаре» описал комсомолку. В «Комсомольской правде» живая комсомолка напечатала портрет. Оригинал о портрете. Тут обязательно пристрастие, повышенная требовательность к писателю. Но случается все же знаменательный. В Вересаев посвятив комсомольской среде вельями роман «Сестры». Был интеллигентский, был рабочий, завод, социалистическое соревнование. Сестры стремятся саянтся с комсомолом и партийными путями. Одна идет на завод, пытается раствориться в рабочей массе. Другая хочет сохранить себя как личность и полнокровной, овладевшей знаниями, войти в коллектив. Перегибы и извращения. Множество всяких нравственно-учительных проблем. Беспорядочная пылкость старого писателя, шущего в новом человеческом материале не только внешние признаки, но и глубокие, сложные психологические содержания. А в итоге фальшь, пустотность решающих глав романа.

В чем же разгадка? Если одна часть писателей допирывает биографии прежних молодых людей, открыто соблюдая соответствующую хронологию, то другие просто переаживают старые персонажи в современности. Кто такие «сестры» Вересаева? Это гаринские гимназисты, только в юбках, да окруженные всевышними доказательствами от эпохи. Но способ мышления, но гнетущая рефлексия, но привоканность к своей личной судьбе — как далеки черты «сестер» от комсомольского образа. Иррилическая, изобретающая шаровальтерскую железную дорогу или тысяч комсомольцев-добровольцев шахт и рудников!

В свое время некоторые литераторы потрудились над тем, чтобы густо вымазать детям комсомольские ворота. «Собачий переулок», «Луна с правой стороны», велие множество «разложившихся» рассказчиков типа «Без черемухи» усленно подчеркивали, что наша молодежь якобы аморальна, лишена «сустов», погружена в омут разврата. Возрождались традиции литературы черных лет реакции, когда живописались всеобщего распада и беззастенчивого трупоположения было программной линией всех ренегатствующих писателей. Сейчас такая литературная нахипь склнута. Но до сих пор бегло, второпаш, подчас с исключительной небрежностью вписываются комсомольские персонажи в наши большие полотна. Обратимся к современным буржуазным писателям: образы молодых людей, даже возникшая на рабочих линиях, приобретают выпуклость, выразительность, выписываются со всей обстоятельностью. В «Фальшивомонетчике» Андре Жид — тема молодежи производная, но, коснувшись ее, автор делает судьбу Бернара и Оливье — двух рабов иллюзорной свободы, двух бундных сыновей буржуазной семьи — плацдармом, где возникает всеподейки идей, все столкновения страстей. Вазем и Жерфиньон в «Людях доброй воли» Жюль Ромэна пересекают роман в разных направлениях, превращая его в путешествие по интимному быту и душевным превращениям современного молодого мелкого буржуа. Наши писатели постыдно равнодушны к молодежи. Леонид Леонов сумел показать скитавшегося у бандитов Сусанну, опустошенного Митю Векшина, но комсомольцы прошли мимо его творческого зренья. У Мариэтты Шагинян в «Гидроцентрали» лишь в последних главах появляется молодой практикант, от которого веет какой-то комсомольской свежестью. Можно возразить: писатели ставили себе иные задачи. И в добрый час. Совсем не нужно требовать, чтобы каждый писатель оштрафовал, чтобы он внутренне обосновался в этой теме. Но комсомольцы составляют такое значительное и выдающееся явление нашего быта, нашего роста, что отсутствие их в произведениях широкого масштаба скрадывает необходимые краски, обедняет палитру художника. Не так давно комсомольцы предельно свет литературе: где новые литературные типы? Где герои, характеры вставали бы ровнесть с Базаровым, Рудиним, Онегиним, Печориним, Карениной, Раскольниковим? Этот упрек можно конкретизировать: где литературные типы комсомольцев? Здесь наша литература обнаружила особую невосприимчивость. У Фадеева в «Разгромах» отчетливо и обятелие образ большевика Левинсона, но для молодежи нашлся лишь один предстатель — жалкий, источенный рачиной «гамлетизма» Мечик. В «Демонте» Ф. Гладкова — основном документе восстановительной

„Я НИКОГДА НЕ БЫЛ БЕСПАРТИЙНЫМ“

— КОГДА СОБИРАЮТСЯ ДРУЗЬЯ КОМСОМОЛЬСКОГО ДЕТСТВА. — ТРАДИЦИИ ДАВНО ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ. — КОМСОМОЛКА ПОПРАВЛЯЕТ ПИСАТЕЛЯ. — ГДЕ НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТИПЫ? — ДАЙТЕ ЛИТЕРАТУРУ О МОЛОДЕЖИ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕ

эпохи — нет образов комсомольцев. Даже такие молодые писатели, как Шолохов и Панферов, очень мало затрагивают комсомольские пласты деревни. В шуховской «Евнэвности» комсомольцы выступают четче, резче, не в отдалении. Его Фешка, которая, и изгнанная бюрократом из комсомола, не опускает рук, становится трактористкой, неутомимая и негнущаяся, но со своими девичьими печальями — убедительна и волнующая. А ведь тема комсомольские не исчерпываются тем главным (показом вожakov, кадровиков комсомола), о чем мы говорили выше. В последнем номере альманаха «Год шестидесяти» была опубликована повесть А. Авденко «Я люблю». Это — автобиография, даже документальная. Начало ее простирается к иррациональным и нестерпимым предреволюционным годам. Потом скитания на буржвах, познания, случайное пребывание в красноармейском отряде, бегство из лагеря и обуздание анархической натуре могущими стимулами социалистического соревнования. Бывший вор становится комсомольцем, партией. Он — в штурмовой колонне ударников новостройки. Огромная выпрямляющая сила новых общественных отношений открыта в повести. А. Авденко с правдивостью, присущей произведениям этого жанра. Препекие писатели могли бы казывать постепенное уродование человека. Август Стриндберг посвятил свою трилогию изложению того, как в тихой буржуазной семье, без особых потрясений и катастроф, шаг за шагом доводится до маниакального состояния юноша, отличающийся лишь относительно высокой одаренностью. Это обичайная психологическая среда в условиях буржуазного общества. У Авденко же показано, как революция прерывает процесс уродования человека и несмотря на жестокое сопротивление уже привычных старейшей среде ядов излечивает его. Такой тип молодежи, возвращенный к жизни революцией, также жет своего художественного воплощения. В последнем романе И. Эренбурга «День второй» между прочим рассказывается об одном юноше, комсомольце в силу влечения к производственным прелем классики чувствовал себя как в своей тарелке среди советской прозы. Как его ни укоряли, ни подтагивали, все скатывалось вперевод. Наши писатели почему-то с особым вниманием относятся к такому рода питомцам римских и греческих муз. Даже напитанное революцией перо Эренбурга и то с явным состраданием выписывает черты этого неудачника. Но ведь мы — свидетели гигантского успеха ослепительных побед. И мы вправе требовать, чтобы нам показали в литературе молодежь победительницу, удачливую и бодрую, ту самую, которая отчетливо видна на гигантских лесах социалистической стройки.

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

Мир больше не шутка

о новой книге Дос-Пассоса

Наши театры работают над новой пьесой Дос-Пассоса «Вершины счастья». В Москве она пойдет в Камерном театре.

«Мусорщик», первая драма Дос-Пассоса, не имела успеха. «Воздух» так и остался «боковым» и малохарактерным для него эпизодом. «Вершины счастья» должны рассматриваться в ряду его основных и определяющих произведений. Мы имеем серьезные основания думать, что сам Дос-Пассос придает этой пьесе особое значение. Она значительна и своеобразна, как его романы; многие из его «странностей» в этой пьесе несомненно присутствуют, но перестают быть странностями.

Уже сейчас можно утверждать, что «Вершины счастья» дадут новое содержание нашим спорам о Дос-Пассосе.

Пьеса написана в общем так, как пишется пьеса, и знаки препинания все стоят на местах с некоторой даже вызывающей точностью. Три акта — без интереса, напыления, дополнительных «планов», никаких драматургических инцидентов не драматургическая пьеса. Дос-Пассос не тужит «дождиком» в каждом случае, но он и не забывает о зрителе. Пьеса хорошо «играет». В ней развита замечательная галерея персонажей: бродяги, власти, собственники, «значимые» разного рода, и Человек, три дня не брившийся, и Человек, похожий на главного героя, но не он, и даже «Человек, разговаривающий как коммунист». В ней много метких слов и неожиданных: в нескольких случаях пьеса по напряженности начинает приближаться к кинодраме.

Огромную роль играет радио. Оно является на сцену во втором акте и не с какой-нибудь «мотивировкой» от автора, а в силу прямой необходимости.

Оуэн Хэнтер был когда-то золотодобытчиком в Аляске, затем автомобильным кондуктором в Дайтоне, наконец, солдатом на западном фронте. Сейчас Хэнтер начинает жизнь сначала. Он приобрел в кредит участок земли и открыл автомобильную бензиновую колонку. Вокруг раскинулся новый поселок «Вершины счастья»; если дела пойдут, это будет бойкое место. Оуэн очень старается сделать свое предприятие привлекательным: он проинженерно расписывает каждую вывеску, подбирает хорошие краски, продвигает, неумолимо работает над тем, чтобы «дело имело вид»; он собирает даже заведи «экую-нибудь обезьянку», чтобы сделать тащину за собой родителей и сядя Хэнтера.

Среди прочих удобств есть радио, и оно исполняет свою программу. Кризис уже бьет Америку. Радио ведет сосредоточенное «эпическое наступление» на кризис.

В поисках пристанища и работы «на колонку» притягивает «сдораз» — бездомные американцы нескольких поколений (эмигранты, «багажники», «бэмы», последние трампы и т. д.). «Дорога» — это новая социальная неравноценная формация, которая уже имеет свои традиции и все чаще противопоставляет себя «Америке».

Здесь же на «колонке» действуют великие комбинаторы «Вершины счастья». Это капиталистическое предприятие строится на «совершенно новых» принципах. Маленькие вкладчики, которые для благословения именуются «будущими собственниками», под залог «казалых», которые именуются «казими», получают право выиграть большое счастье, если бы весь этот обман в целом «вдруг» увенчался успехом.

Америка явственно проваливается; виден на счастье нет и не может быть. Единственная надежда на то, что здесь не Америка. Комбинаторы создают в захолустье далекого западного штата всемирно-американское счастье.

Но Америка тут же. Премированными голосами дикторов и «старо» она поет, рассказывает стихи, зовет танцевать, — всей силой превосходной техники работает на «умилении».

Хэнтер разоряется. Ему некого обслуживать. Почти беспрерывно на автомобильную станцию приезжают люди — они желали бы обслуживать самого Хэнтера. Вся Америка жаждет кого-нибудь обслуживать, а обслуживать некого.

Начинающие бандиты из «студентов» совершают дерзкие беспощадные по технике «наезд» на автомобильную станцию. Хэнтер отдает им деньги только потому, что он сам тоже «начинающий» и еще более беспощаднее, чем они.

Айк Ауэрбах, «большой детектив», начинающий писатель и шантажист, «гроза округа Матавас», вымогает у него деньги «за молчание». (Оуэн уже тайно торгует спиртом). Эллери Джонс, главный комбинатор «Вершины» плут и пройдоха, который один еще как-то играет на кризисе, вымогает у него денег (у всех вдруг страшно запутались «личные дела»). На сцене, таким образом, жизнь не дает людям ни умиляться, ни «снисходить мыслями». А радио упорно гнет свое, говорит каждому американцу нежности прямо в уши, подмигивает, тянет за собой и очень громко хочется, чтобы «сразылись». Кризис уже не только бьет, но и убивает «среднего американца», а убитая торгач тут же, на сцене, он имеет внятность разговаривать («говорит Нью-Йорк»). Претявден враг народа: официальная капиталистическая Америка.

В Америке столько-то миллионеров, а остальные занимаются тем, что им заглядывают.

Так, говорит Пассос, היא мешанка Америка многие десятилетия. «Провидения» первых послевоенных лет она приняла как должное; наступивший затем кризис чрезвычай-

чайно удивил «среднего американца».

Уже после бесчисленных крахов и крушений в САСШ «средний американец», т. е. мелкий буржуа, все же подозревал, что происходит ошибка, потому что «все это» не может иметь отношения к Америке. Самоубийства миллионеров поразили его больше, чем его собственные несчастья. Если некому заводить нечем жить.

Это было крушение основной американской идеи — идеи счастья, т. е. больших и легких денег.

И так как не верить в кризис уже нельзя было, мелкий буржуа перестал верить в Америку. Герои Дос-Пассоса — мелкие буржуа, фермеры и деклассированная «дорога» — в конце концов приходят к такому выводу: это не Америка. Кто-то подменил им страну. «Вершины счастья» — пьеса о людях, которые вдруг не узнали своей страны. Они ищут Соединенные штаты.

Радио еще тянет старую песню:

Шарж ЛИСА

Айк: Сейчас, сейчас. Психологи доказали, что дополнительный цвет к зеленому красный, и когда вы, особенно в состоянии аффекта, увидите зеленую бензиновую колонку, вам покажется, что вы видите красное. На этом основано все искусство рекламы.

Оуэн: Брось. Стану я дравить клиентов красным цветом!

Айк: А же самый яркий цвет.

Оуэн: Так почему не начать прямо с красного.

Так говорит Айк, которого беспрерывно сбивают с ног собственные идеи. Он все время сам себе на ноги наступая, и так же наступают себе на ноги его бурная речь.

Еще более любопытно, что именно Айк иногда говорит литературно, именно он иногда говорит, как пишет. В этих случаях со сцены точно читают по писанному, и Дос-Пассос никому не позволяет об этом забывать.

Это различие проведено без нажима, но с большой силой. Вот характерный образец. Литератор Айк увидел в том, что происходит на сцене, «богатую тему». Он решает написать рассказ:

Айк: Кстати, это совсем неплохо для начала небольшой детективной шутки.

«Тайна большой дороги». Это было в сочельник. Подицейский сержант мистер Джинкс сидел за конторкой в Бюро № 3, грыз карандаш и размышлял...

Бэк (прерывая): Ночь простиралась над тюрьмой.

Ночь святая рождества. (В конторе звонит телефон. Оуэн убегает.)

Айк: Очень хорошо: «Пронзительный и властный звонок разорвал тишину»...

Видели?

Властный звонок и тяжелая тишина присутствуют только в детективной шутке. Айк, т. е. в плохой литературе. У него еще и не то бывает. Иногда Айк увлекается до того, что в разговоре выделяет особо ударные места прописными буквами, выносит отдельные слова в «шапку» и т. д. Айк говорит репортеру: «Королева Вершин Счастья Запуталась В Сетях Любви».

Но не только Дос-Пассос (автор), но и Айк, когда он разговаривает от своего имени, никогда не позволяет себе выразиться сколько-нибудь «литературно». В нескольких местах пьеса очень наглядно показана самая механика этой борьбы «литературной речи» с «настоящей» разговорной.

Уже после того, как пьеса ушла от автора к переводчицам, Дос-Пассос из Америки и из Испании, где он находился в последние годы, прислала переводчицам свои поправки, снимал и заменял целые строки. Борьба его с пьесой продолжается еще и сейчас, она идет почти исключительно по линии

формальных усовершенствований (дальнейшая разработка роли радио, уточнение интонации и т. д.). Эти усовершенствования очень интересные результаты, но они еще и сейчас заслоняют для Пассоса сцену многое в реальной действительности.

«Мир больше не шутка» в последней драме Дос-Пассоса. Многочисленные дос-пассосовские «странности» на этот раз совершенно оправданы и делают очень важное дело в этом замечательном реальном произведении. Но в предвосхищающей галерее персонажей «Вершины счастья» один только революционер говорит в своих голосами малоревольютные и бледные слова. Дос-Пассос до сих пор плохо знает лицо настоящих революционеров Америки, ее рабочих активистов и коммунистов, хотя он борется рядом с ними и крепко ненавидит капиталистический «порядок вещей». А иногда он совершенно по-чеховски «ноет» вместе с буржуа, «проигравшими» целый мир, хотя этот буржуазный мир ему отвратителен. Чем скорее разрешится эта почти трагическая ситуация, тем лучше для Дос-Пассоса и его замечательного искусства.

А. ЯЗЫКОВ

Венгерской пролетарской литературе Иосиф Ленгьеля занял благодаря своей первой книге совершенно особое место. Трудно сказать — роман эта книга или воспоминания; художественный репортаж или, быть может, с моей точки зрения, счастливое сочетание этих форм.

Книга «Улица» — история дома венгерской коммунистической организации, показанная как бы сквозь дугу. Это — история венгерской пролетарской революции, но не расширенная, а сознательно суженная. Отображены ошибки и их причины, последствия этих ошибок, героические поступки людей, люди, совершавшие ошибки и записавшие свои героические подвиги в истории венгерского рабочего движения собственной кровью.

«Видградская улица» — несмотря на простой язык, гладкий стиль и ясную образность — книга для сравнительно узкого круга читателей; но для этого круга — это лакомый кусочек. Люди, интересующиеся мельчайшими деталями партийной организации, любящие запах «кухонной» революции, никогда не забудут книги Ленгьеля. Чем меньше интересуется человек этими вопросами, тем холоднее воспримет он работу Ленгьеля. Эта книга написана для партийного актива.

Новое произведение Ленгьеля — роман. Тема его — проблема личной жизни широчайших масс: социалистическое строительство, кризис капитализма и влияние этих факторов на личную жизнь человека, стоящего по ту или другую сторону баррикады. Вы скажете — слишком большая тема. Ее хватит для дюжины романов. Но если кто-нибудь может наглядно показать эту проблему в разрезе, в котором исключительной быстротой все новое и новое люди — настоящие люди, стоящие крепко в современном обществе, все особенно остро, ставит перед собой задачу, тогда книга эта может быть столь же ценной, как дюжина романов.

Соответствует ли роман Ленгьеля требованиям, которые он сам себе поставил при выборе темы? В общем — да. Не без ошибок, конечно. Но ошибки эти ослабляют силу произведения очень незначительно.

Первое мое замечание — политическое. Ленгьеля, боюсь схематичности, зашел слишком далеко. Герой его романа Райгайт, ставший из немецкого офицера инженером — большой любитель спорта, педантичный, чистоплотный человек, ненавидит и презирает буржуазно-фашистских кругов — точки зрения, работающий в этом смысле гигант, становится из националиста — коммунистом. Это превращение происходит благодаря окружающим людям, превращенным революцией.

формальных усовершенствований (дальнейшая разработка роли радио, уточнение интонации и т. д.). Эти усовершенствования очень интересные результаты, но они еще и сейчас заслоняют для Пассоса сцену многое в реальной действительности.

«Мир больше не шутка» в последней драме Дос-Пассоса. Многочисленные дос-пассосовские «странности» на этот раз совершенно оправданы и делают очень важное дело в этом замечательном реальном произведении. Но в предвосхищающей галерее персонажей «Вершины счастья» один только революционер говорит в своих голосами малоревольютные и бледные слова. Дос-Пассос до сих пор плохо знает лицо настоящих революционеров Америки, ее рабочих активистов и коммунистов, хотя он борется рядом с ними и крепко ненавидит капиталистический «порядок вещей». А иногда он совершенно по-чеховски «ноет» вместе с буржуа, «проигравшими» целый мир, хотя этот буржуазный мир ему отвратителен. Чем скорее разрешится эта почти трагическая ситуация, тем лучше для Дос-Пассоса и его замечательного искусства.

А. ЯЗЫКОВ

мысли, он иногда ограничивается сухим перечнем событий.

Недоговоренность — одно из наиболее характерных для Диковского качеств. Он пишет о Дальнем Востоке так, как будто бы все о нем знает, все там бывал. У читателя, не знающего Дальнего Востока, книга оставит много недомолвленных вопросов.

Диковский, несомненно, талантливый, культурный молодой писатель. Но он слишком ограничил свои возможности.

А ведь в очерковой форме можно по-прекрасному дать людей, показать их в развитии, показать их в столкновении друг с другом.

В книге по существу даны только силуэты пограничников.

Тем не менее жизнь коллектива заставы № ярко встает перед читателем.

Книга «Застава №» заинтересовывает читателя, мобилизует его на борьбу за защиту советских границ.

Венгерской пролетарской литературе Иосиф Ленгьеля занял благодаря своей первой книге совершенно особое место. Трудно сказать — роман эта книга или воспоминания; художественный репортаж или, быть может, с моей точки зрения, счастливое сочетание этих форм.

Книга «Улица» — история дома венгерской коммунистической организации, показанная как бы сквозь дугу. Это — история венгерской пролетарской революции, но не расширенная, а сознательно суженная. Отображены ошибки и их причины, последствия этих ошибок, героические поступки людей, люди, совершавшие ошибки и записавшие свои героические подвиги в истории венгерского рабочего движения собственной кровью.

«Видградская улица» — несмотря на простой язык, гладкий стиль и ясную образность — книга для сравнительно узкого круга читателей; но для этого круга — это лакомый кусочек. Люди, интересующиеся мельчайшими деталями партийной организации, любящие запах «кухонной» революции, никогда не забудут книги Ленгьеля. Чем меньше интересуется человек этими вопросами, тем холоднее воспримет он работу Ленгьеля. Эта книга написана для партийного актива.

Новое произведение Ленгьеля — роман. Тема его — проблема личной жизни широчайших масс: социалистическое строительство, кризис капитализма и влияние этих факторов на личную жизнь человека, стоящего по ту или другую сторону баррикады. Вы скажете — слишком большая тема. Ее хватит для дюжины романов. Но если кто-нибудь может наглядно показать эту проблему в разрезе, в котором исключительной быстротой все новое и новое люди — настоящие люди, стоящие крепко в современном обществе, все особенно остро, ставит перед собой задачу, тогда книга эта может быть столь же ценной, как дюжина романов.

Соответствует ли роман Ленгьеля требованиям, которые он сам себе поставил при выборе темы? В общем — да. Не без ошибок, конечно. Но ошибки эти ослабляют силу произведения очень незначительно.

Первое мое замечание — политическое. Ленгьеля, боюсь схематичности, зашел слишком далеко. Герой его романа Райгайт, ставший из немецкого офицера инженером — большой любитель спорта, педантичный, чистоплотный человек, ненавидит и презирает буржуазно-фашистских кругов — точки зрения, работающий в этом смысле гигант, становится из националиста — коммунистом. Это превращение происходит благодаря окружающим людям, превращенным революцией.

формальных усовершенствований (дальнейшая разработка роли радио, уточнение интонации и т. д.). Эти усовершенствования очень интересные результаты, но они еще и сейчас заслоняют для Пассоса сцену многое в реальной действительности.

«Мир больше не шутка» в последней драме Дос-Пассоса. Многочисленные дос-пассосовские «странности» на этот раз совершенно оправданы и делают очень важное дело в этом замечательном реальном произведении. Но в предвосхищающей галерее персонажей «Вершины счастья» один только революционер говорит в своих голосами малоревольютные и бледные слова. Дос-Пассос до сих пор плохо знает лицо настоящих революционеров Америки, ее рабочих активистов и коммунистов, хотя он борется рядом с ними и крепко ненавидит капиталистический «порядок вещей». А иногда он совершенно по-чеховски «ноет» вместе с буржуа, «проигравшими» целый мир, хотя этот буржуазный мир ему отвратителен. Чем скорее разрешится эта почти трагическая ситуация, тем лучше для Дос-Пассоса и его замечательного искусства.

А. ЯЗЫКОВ

мысли, он иногда ограничивается сухим перечнем событий.

Недоговоренность — одно из наиболее характерных для Диковского качеств. Он пишет о Дальнем Востоке так, как будто бы все о нем знает, все там бывал. У читателя, не знающего Дальнего Востока, книга оставит много недомолвленных вопросов.

Диковский, несомненно, талантливый, культурный молодой писатель. Но он слишком ограничил свои возможности.

А ведь в очерковой форме можно по-прекрасному дать людей, показать их в развитии, показать их в столкновении друг с другом.

В книге по существу даны только силуэты пограничников.

Тем не менее жизнь коллектива заставы № ярко встает перед читателем.

Книга «Застава №» заинтересовывает читателя, мобилизует его на борьбу за защиту советских границ.

ГЛАДИНА КОЛЕСНИКОВА

Ленгьеля, 1933.

Бела Иллеш

ОБ ИОСИФЕ ЛЕНГИЕЛЕ

В венгерской пролетарской литературе Иосиф Ленгьеля занял благодаря своей первой книге совершенно особое место. Трудно сказать — роман эта книга или воспоминания; художественный репортаж или, быть может, с моей точки зрения, счастливое сочетание этих форм.

Книга «Улица» — история дома венгерской коммунистической организации, показанная как бы сквозь дугу. Это — история венгерской пролетарской революции, но не расширенная, а сознательно суженная. Отображены ошибки и их причины, последствия этих ошибок, героические поступки людей, люди, совершавшие ошибки и записавшие свои героические подвиги в истории венгерского рабочего движения собственной кровью.

«Видградская улица» — несмотря на простой язык, гладкий стиль и ясную образность — книга для сравнительно узкого круга читателей; но для этого круга — это лакомый кусочек. Люди, интересующиеся мельчайшими деталями партийной организации, любящие запах «кухонной» революции, никогда не забудут книги Ленгьеля. Чем меньше интересуется человек этими вопросами, тем холоднее воспримет он работу Ленгьеля. Эта книга написана для партийного актива.

Новое произведение Ленгьеля — роман. Тема его — проблема личной жизни широчайших масс: социалистическое строительство, кризис капитализма и влияние этих факторов на личную жизнь человека, стоящего по ту или другую сторону баррикады. Вы скажете — слишком большая тема. Ее хватит для дюжины романов. Но если кто-нибудь может наглядно показать эту проблему в разрезе, в котором исключительной быстротой все новое и новое люди — настоящие люди, стоящие крепко в современном обществе, все особенно остро, ставит перед собой задачу, тогда книга эта может быть столь же ценной, как дюжина романов.

Соответствует ли роман Ленгьеля требованиям, которые он сам себе поставил при выборе темы? В общем — да. Не без ошибок, конечно. Но ошибки эти ослабляют силу произведения очень незначительно.

Первое мое замечание — политическое. Ленгьеля, боюсь схематичности, зашел слишком далеко. Герой его романа Райгайт, ставший из немецкого офицера инженером — большой любитель спорта, педантичный, чистоплотный человек, ненавидит и презирает буржуазно-фашистских кругов — точки зрения, работающий в этом смысле гигант, становится из националиста — коммунистом. Это превращение происходит благодаря окружающим людям, превращенным революцией.

формальных усовершенствований (дальнейшая разработка роли радио, уточнение интонации и т. д.). Эти усовершенствования очень интересные результаты, но они еще и сейчас заслоняют для Пассоса сцену многое в реальной действительности.

«Мир больше не шутка» в последней драме Дос-Пассоса. Многочисленные дос-пассосовские «странности» на этот раз совершенно оправданы и делают очень важное дело в этом замечательном реальном произведении. Но в предвосхищающей галерее персонажей «Вершины счастья» один только революционер говорит в своих голосами малоревольютные и бледные слова. Дос-Пассос до сих пор плохо знает лицо настоящих революционеров Америки, ее рабочих активистов и коммунистов, хотя он борется рядом с ними и крепко ненавидит капиталистический «порядок вещей». А иногда он совершенно по-чеховски «ноет» вместе с буржуа, «проигравшими» целый мир, хотя этот буржуазный мир ему отвратителен. Чем скорее разрешится эта почти трагическая ситуация, тем лучше для Дос-Пассоса и его замечательного искусства.

А. ЯЗЫКОВ

мысли, он иногда ограничивается сухим перечнем событий.

Недоговоренность — одно из наиболее характерных для Диковского качеств. Он пишет о Дальнем Востоке так, как будто бы все о нем знает, все там бывал. У читателя, не знающего Дальнего Востока, книга оставит много недомолвленных вопросов.

Диковский, несомненно, талантливый, культурный молодой писатель. Но он слишком ограничил свои возможности.

А ведь в очерковой форме можно по-прекрасному дать людей, показать их в развитии, показать их в столкновении друг с другом.

В книге по существу даны только силуэты пограничников.

Тем не менее жизнь коллектива заставы № ярко встает перед читателем.

Книга «Застава №» заинтересовывает читателя, мобилизует его на борьбу за защиту советских границ.

ГЛАДИНА КОЛЕСНИКОВА

Ленгьеля, 1933.

Майор Франц Белл приходит к власти

„ГЕРМАНИЯ“ М. ЧУМАНДИНА

В очерковой литературе М. Чумандина впервые дебютировал в 1931 году. Это были «Мои путевые дневники» — записки о штурмовых днях на тракторном заводе. «Путевые дневники» рекомендовали своего автора как пронацистского писателя, страстного в своем рвении практически помочь выполнению тракторной программы и вместе с тем не умеющего предельно рыхлостью и «неадекватностью» отдельных ярких эпизодов соседствовать в этой книге с чрезвычайно прозаическими местами, представлявшими собой обнаженные публицистические тезисы борьбы путевых рабочих за социальные права.

Будет говорить, что герой романа Ленгьеля — не герой, а только зритель. Если мы будем рассматривать только тему, то нам оно так и покажется, и это в глазах читателя будет ошибкой. Ибо только тот, кто по-настоящему углубится в роман, заметит, что при отображении борьбы между строителями социализма и их врагами сюжет резко распадается на две части: автор рисует грубыми чертами, грубым голосом и с большим размахом самую борьбу, но не тихо, придуманным голосом говорит о внутренней коллизии, которую переживает Райгайт, размышляет и понимает; это и дает ключ к пониманию этих форм классово-борьбы.

Он работает, как машина: точно, мелко. Вокруг него тысячи людей работают лучше машины и пример — это десять человек работают над тем, чтобы машина производила не так хорошо и не отняла у человека любовь к работе. Райгайт своего места найти не может.

Проходит довольно много времени, пока его классовые предрассудки и вчерашние убеждения победены лучшими чувствами. Эта борьба, внутренняя борьба Райгайта должна была быть нарисована резко, она должна была быть расширена до кризиса, который переживает Ленгьеля, переживший же отвечает, что нужно следить за тем, что он написал, а не за тем, чем портрет он давал. Но это не верно. Если кто-нибудь принялся серьезно разрешать большую задачу (как это он делает в своем романе), тот должен говорить обо всем связно и выходя.

Роман Ленгьеля — крупное произведение. Это не привычное и давно известное, ставшее схематическим, противопоставление той и другой стороны. В работе Ленгьеля звучит существо той и другой стороны. Он не дает деталей, он дает содержание борьбы, ее методов и тех влияний, которые эта борьба оказывает на солдат того и другого лагеря. Автор с потерянной силой рисует развитие человека, бывшего еще недавно сельским рабочим, его взгляды, желания, стремления и революционные превращения. Отображение это не эпично, не широко, оно основано на несекретной вере и убеждениях. С хорошим юмором автор показывает жизнь бывших людей, их «погибшие сны». Резко обрисованы фигуры вредителей, хорошо показана их безграничная внутренняя слабость. Книга Ленгьеля — его первая значительная работа.

За последнее время вышел ряд значительных иностранных революционных произведений на русском языке: книги Токунаги, Кахана, Сандера, Сю, Гергеля, не нашедшие то, отклика, который они заслуживают. Наши критики не нашли времени изучить вопросы, которые эти писатели затрагивают, и даже не подумали о том, чтобы обратиться к ним внимание рабочего-читателя.

А жалый Рабочий-читатель, безусловно, прочтет эти произведения наших зарубежных товарищей с большой радостью, и книга эти принесут большую пользу для воспитания рабочих в духе интернационализма.

Книга Ленгьеля еще не вышла из печати. Эта рецензия — указание и предварительный протест против такого отношения.

«И в хочу озер зары
Написать полной чашей,
Вознаюсь в жизнь, как гад
харь»

Токунога в шаху. Это — и вника охотничьих стихов Н. Алексеева. Строфа, как нельзя лучше характеризующая весь его творческий облик. Он именно «вонзается» в жизнь и остро чувствует ее пульс.

Он мало печатался в столичных журналах, в «Острогорский», адресуя преимущественно к присутствующим рабочим-литературщикам, знакомит нас с поэтом. До 1927-28 года творчество Н. Алексеева было проникнуто духом какого-то искреннего народничества, «общечеловеческими идеалами». Формально поэт считал себя акмеистом, но писал чрезвычайно просто. Его стихи подчас были музыкальны ради самой музыкальности. И только в последние произведения Алексеева его формальные приемы приобретают отчетливую социальную осмысленность.

Вот я прослушал стихи Алексеева, и у меня создалось впечатление: быстро промчался перед глазами автомобиль с пассажирами в ярких одеждах. Забылось все, и автомобиль и лица пассажиров; остался в памяти только след от пестрых пятен одежды — В этой общей оценке т. Малашикин считает Н. Алексеева «созерцательным» поэтом, «поэтом яркого зрительного впечатления».

«Широкий годом пятилетки,
Что кудрявый могучего кедра,
Нужен зверь драгосный и
редкий»

Разве сибирский охотник, душой которого я здесь перепадаю, выгляди так праздно «созерцателем»? — возмущал в заключение автор.

Нам кажется, что поэт прав. Его пафосические рассуждения в преле, его любовные красотоны баргузинской тайги стало осмысленными.

На этом вечере средь поэтов «б» было ни одного поэта. И востановилась возникла мысль: не симптоматично ли это не иллюстрирует ли их отсутствие степень внимания к творчеству советской литературе.

Г. ГР-ЕВ

ДЖОН ДОС-ПАССОС

Не ждал никак, нет, это сон: даю пятак — беру миллион.

Бывает так, мой бэби, и т. д. но его уже не слушают, и оно само себе уже не верит.

Постепенно понятие «Соединенных штатов» начинает проясняться и расти. Дусо, «Человек, разговаривающий как коммунист» (термин Дос-Пассоса), и «Человек в военной форме» объясняют батракам и маленьким фермерам, где и как нужно искать Соединенные штаты. Соединенные штаты превращаются во всемирные соединенные штаты.

Голодные идут в Вашингтон, чтобы «все изменить». По дороге они прохаживают мимо автомобильной колонки Оуэна Хэнтера. Здесь только что лопнул маленький человек, который заводил миллионеров. На «колонке» уже буйствует закон: шериф и понятия, которые по-американски называются «депутатами», приступили к выселению Хэнтера. Они, конечно, путают Хэнтера не брат батракам, он только что эксплуатировал своих батраков и будет эксплуатировать их, как только будет возможно. Он сам им об этом говорит... Но батраки не любят выселения. Они отбили колонку у «закон» и идут дальше искать Соединенные штаты. Они затыкают глотку радио, чтобы оно не пело: «Золотая страна, наши Штаты!»

Все знаки препинания стоят на своих местах. Но синтаксис во многих случаях такой же «забытый», как в романах Чрезвычайно пострадало согласование подлежа-

Младший командир Сегаля, сепаратист, комсомольский член, стережет границу, когда: «Шкаплистая дальневосточная гроза, предвещая редкими тяжелыми каплями, сразу обрушивается на сонки. Это не капля — это струя, упругая, как из-под пальцев дождя. Это не бледные северные молнии, сухо шелкающие, подобно пастушьим кнутам, — беды ослепительного счастья, расклинающая небо, подымаются и рушатся над тайгой. Запрокинув голову, можно уже пить яростные дождевые струи». В сплошном волею потоке, обрушившемся с неба, он разглядел конокрада и ухитрился прирезать его в сельсовет» вместе с украденными жеребцом.

Здесь препятствия становятся преодолимыми благодаря тесной товарищеской спайке пограничников, руководимых лучшими партияными, выделенными для охраны границы. Даже цыганя принуждена была отступить под дружными напором организмов коллектива.

Кто они? Герои? Особенные люди? «Да и нет», — говорит про одного из них — Латышева — С. Диковский. — «Он просто начальник контрольного пункта, один из тех молчаливых и инициативных людей, что работают без крика, делают много и не чувствуют дузла, который они так упорно несут на крепких плечах».

Диковский умышленно не поднимает своих героев над уровнем средних людей. Нет, они не герои, не богатыри.

Вот перед нами командир. «Ничего примечательного. У него спокойный глуховатый голос человека, не привыкшего посылать слова «за молоком» взгляд немного тяжелый штурмовик собеседника на мускулы, неторопливые темные руки и широкая мерная походка. Так ходят люди, привыкшие к чертовски бездорожью».

Показу этих людей, о которых почти ничего не пишут и которые заслужили, чтобы о них писали, посвящена книга С. Диковского. В этом же несомненное достоинство. Автор показывает живых людей, не прикрашая, не отрывая их от действительности. Он, может быть, подчас даже слишком точен, что приводит его к некоторой связанности и

КОМСОМОЛЕЦ, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК XX ВЕКА — ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, — ДОЛЖЕН СТАТЬ ГЕРОЕМ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Селвановский

ПОЭЗИЯ БОЛЬШЕВИСТСКИХ КОЛОНН

Первым в ряду поэтов, взорвавших комсомолом, идет Александр Безыменский. Он давно уже широко раздвинул рамки своей тематики. Во всяком случае, не непосредственно комсомольская тематика привлекает по преимуществу его внимание в последние годы. Но о чем бы он ни писал, на каком бы участке социалистической стройки он ни находился, в какой бы литературной борьбе он ни принимал самое активное участие, — всегда его имя пользуется и пользуется любовью и уважением в массах трудящихся читателей и в частности у молодежи нашей страны.

Советская поэзия знает примеры преждевременного творческого угасания поэтов. Они, эти поэты, на определенном этапе развития нашей революции шли в передовых шеренгах советского искусства. Но потом, когда начинался новый этап революции, оказывалось, что они исчерпали себя на предшествующем. Их голос становился приглушенным. Их стихи переставали волновать. Они начинали жить на волнах с прошлого своей поэзии.

Безыменский, начиная с первых своих книг, выпущенных в Казани в 1920 году, и вплоть до наших дней, говорит во весь свой поэтический голос.

Когда мы перечитываем его ранние стихи, слабые стороны, не могут не быть замечены. Некоторые его ранние стихотворения остаются лишь документом, интересным для историка, но потерявшим свою художественную ценность для поэтического читателя сегодняшнего и завтрашнего дня. У него были крупные удачи. Но, однако, даже поражения эти ценны многих мимолетных удач поэтов с маленьким голосом, с узким диапазоном мыслишек и чувств.

Первый вопрос, который встает перед нами, когда мы говорим о том или оном художнике, это — вопрос о том, какую общественную силу он представляет в искусстве, какие социальные слои стоят за ним. Безыменский явился поэтическим оформителем и выразителем сознания, мыслей и чувств широких масс рабочего класса, и в частности, молодежи, которая сражалась за социализм в рядах партии и комсомола. Он является поэтом-коммунистом, — он является поэтом масс. «Сначала я член партии, а стихотворец потом» — сколько споров велось вокруг этой, широко известной, формулировки Безыменского! Она не точна, эта формулировка. Но ее суть — не в отделении поэзии от политики, не в признании искусства второстепенным делом. Ее суть — в том, что Безыменский силу своей поэзии черпает в теории и практике коммунизма.

В нашей поэтической среде, к сожалению, до сих пор более, чем где либо, сильна душная атмосфера литературщины. Более, чем где-либо иные маленькие группы работников Советской страны, оторванные некоторые группы советских поэтов от политической заботы и критичной и друг другом (только не самими собою) оказываются основным содержанием их жизни. Их биография скудна, она исчерпывается чтением стихов и посещением редакций.

Но ценности в искусстве могут создавать лишь художники, обладающие богатой биографией, т. е. передающие в своем творчестве богатый художественный опыт. Такая биография дается в нашу эпоху лишь тому, кто содержанием своей жизни делает участие в борьбе за социализм. Безыменский вступил в партию большевиков восемнадцатилетним, в 1916 г. Под знаменами партии он дрался 25 октября 1917 года в Петрограде. Он был в первом составе ЦК РКСМ. С момента зарождения организованного пролетарского литературного движения он стал одним из активных его руководителей. Он много ездил по стране, и не как турист, не как поэт, совершающий комфортабельные туры по крупным городам, а как участник бригад большевистской «Правды». Он знает нашу большую новую страну — не по газеткам, не из книг, не внешне-поверхностно, — а по живым социальным контактам с нею в практике классовой борьбы. Хорошая биография! Вот почему за его стихами стоит живая жизнь.

«Стихи делают сталь» — так поэмически назвал Безыменский одну из своих книг. Бывало, что он долгие периоды времени, на ряд месяцев обрывался на работу над большими произведениями — для того чтобы, в качестве участника «правдивой» бригады, поэтическим лозунгом, энграммой, наступил коротким агитационным стихотворением наставить врага социалистической стройки на каком-либо заводе, в каком-либо цеху, у какого-либо станка, чтобы спланивать тот или иной этап работы, чтобы поднять практическую работу того или иного предприятия на высшую

ступень. Страдала ли от этого «большая поэзия», как можно было бы сказать? В том-то и дело, что нет! Не была бы создана «Комсомольца», если бы Безыменский сам не был практиком комсомольской работы, не появлялся бы ни «Трагедийная ночь», ни другие лучшие его произведения последних лет, если бы за ними не стояла незапятнанная и как будто не имеющая прямого отношения к искусству работа Безыменского в Сталинграде и Днепропетровске и в ряде других городов.

Он начал со стихов, на которых лежала общая для поэзии того времени печать «космизма». Он стал замечательным знаменательным поэтом пролетарской поэзии к конкретности, к «земле». В 1923 году, обращаясь к поэтам «Казанцы», он писал:

Довольно неба
И мудрости вещей!
Давайте больше простых вещей!
Откиньте небо! Отбросьте вещи!
Давайте землю!
И живых людей!

Борьба против «космизма» на том этапе вовсе не была абстрактной борьбой отвлеченных методологических установок. Нет, она была — в своей сути — борьбой за партийность поэзии, политическую борьбу за то, чтобы пролетарская поэзия в период зпа делала дело партии. Вот почему тогда победила линия Безыменского и потерпела поражение линия «космистов».

Несомненно, что Безыменский многому научился у Маяковского. Сам факт этой учебы нуждается в объяснении. Для Безыменского рождением в поэзии Маяковского оказалась не ранняя струя мелко-буржуазного бунтарства, а последующая струя преодоления этого бунтарства в процессе перехода на позиции пролетариата. Маяковский — политический оратор, публицист и газетчик, — вот то, что было особенно близко Безыменскому, потому что Безыменский — поэт, чьи стихи рассчитаны на большую аудиторию. Я не знаю, как Безыменский работает над стихом. Но я знаю, что стихи его требуют произведения вслух, читки с трибуны большого зала, — так они построены, такова их ритмико-интонационная структура, таков их синтаксис, и только при таком произношении они обнаруживают полностью сильные свои стороны. Но в большинстве случаев мало мелодичны — за редким исключением их нельзя ни петь, ни декламировать.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ ХУД. Б. ПРОКОВА

и свести рассказанное в формулу, в политический вывод, в логический итог. Существуют в поэтической критике теории, которые отзывают поэзию в праве на какие-то ни бытовые, какие-то логические категории. Дело в том, дескать, ограничивается передачей эмоций, «плодов чужа». Это — неверные теории. Разумеется, никакая поэзия не может быть сведена к ритмическому изложению логических определений. Но зачем же поэзия вообще чураться логики? Взгляните на Безыменского, на Демьяна, на Луговского, на Маяковского, на ряд других современных поэтов.

Искусством агитационно-политическим формулировок Безыменский владеет мастерски. Они привнесены в быту, они вошли в разговор, в фельетон, в речь, в доклад. И это — тем более, что Безыменский намеренно их заостряет. Одной из сильных сторон его поэзии является ее сатирическая гиперболичность и приподнятая революционной патетики. Вспомните, например, «Монолог Пришелеца», например, «Образ Пришелеца», наиболее гиперболический из всех образов этого произведения, в то же время — наиболее удачный...

...Но только взглянь на бумагу,
Я прыгну на тебя с листа,
Я подлисю твоею ягю,
Я буквою зарычу, как зверь,
Я штампом на тебе повисну.
Закрой ворота — влезу в дверь,
Закрошь двери — в окно втиснусь.
Закрошь окна — влезу в щель,
Забоюсь все щели... рради бога!
Есть щели в сердце — вот догони!
А сердце человека — щель.
Бесмертныя Простор безбрежный
Передо мною вперед...
Вспомните, далее, высокую патетику заключительных глав «Трагедийных ночей», несущих основную художественно-смысловую нагрузку идеи поэта.

О полку Днiпробуда
Былдино слово
Придет к человеку
Могучею песней труда.
Неудачного чуда
Величия такого /
От века до века
Земля ожидала всегда
Звук песни нависла
Над громадой платины,
Мы мотва не знаем,
Но симфония песни жива.
Томом сердца и мысли,
Мощью рук и машины
Мы по букве слагаем

Удалось на следующем этапе продолжить лирическую струю в своей поэзии. Это во многом объясняется тем, что переход его к более широким и глубоким поэтическим обобщениям не сопровождался одновременно конкретностью в этих обобщениях. Нельзя сказать, чтобы эта конкретность отсутствовала вообще: достаточно перечитать не только «Трагедийную ночь», но и блестящий «Миниатюра», в которых он создал ряд правдивых психологических портретов людей нашего времени, друзей и врагов.

Но в то же время во многих его произведениях сильно сказанная схематичность, который вообще отнюдь не свойствен ораторско-интонационной поэтической манере, о чем мы писали выше. Поэтически заостряя свои творческие положения, направленные против общезвестных ошибок налитности в вопросах «живого человека», «непосредственных впечатлений» и «психологизма», Безыменский иной раз выплескивал, как говорится, вместе с водой и ребенка.

Следы такого поэтического схематизма сохранились и до последнего времени. Но в то же время Безыменский с различных сторон нащупывает пути к преодолению таких следов. Характерна в этом смысле его поэма «Любовь» (о «Ночи начальника политотдела» и «Ночи говорил, потому что мне известны лишь отдельные отрывки ее). Не во всем удавшаяся, она ценна и интересна тем, что в ней Безыменский возвращается к лирике, создавая интересный эксперимент скрещения лирики с памфлетом, с поэтической публицистикой и пр. И если проследить за его поэтической работой последних лет, станет ясным, что он идет по пути целостного выражения действительности, по пути конкретному выражению широчайших политических и психологических обобщений.

Всем сказанным выше определяется место Безыменского в развитии советской поэзии. Это развитие не может быть понято без «Комсомольца», без «Трагедийных ночей», без «Встрела» и «Феликса». Оно не может быть понято и без той огромной повседневной работы, которую проводит Безыменский по сближению поэзии с жизнью. Внимательный читатель может обнаружить у него известное количество недоработанных в спешке строк и строф, но он никогда не встретит у него самовольного взгляда, внутреннего холода, книжности и психологического разграниченности. Этого у него нет! И потому он, поэт-коммунист, поэт комсомола, пролетарский поэт, имеет за собою громадные массы читателей, верящих ему, любящих его, воспитываемых его поэзией в духе коммунизма.

Пусть, работая, ругая и строя, Пролетарскою силою силен, Наш писатель идет в гущу боя Рядовым большевистских колонн. Эти слова Безыменский впервые произнес на XVI съезде партии. В них — призыв ко всей пролетарской поэзии и в то же время итог всей его поэтической работы.

РОСТ ВЛКСМ

удалось на следующем этапе продолжить лирическую струю в своей поэзии.

О МОЛОДОМ ГЕРОЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. Войтинская

«Вопрос один — быть или не быть? Как жить в такой стране, где все твои силы душевные будут навесками. — Нет, безжестконо задуманы. — Жить в такой стране не есть ли самоубийством?» Эти строки принадлежат незаурядному ученому, блестящему профессору, ставшему монахом.

В неуютном монастыре искал Печорин выхода из тупика. Искать не нашел. Фатализм и безнадеежность были частью талантливой молодежи XIX века.

Закату юности своего класса посвящены лучшие страницы Тургенева. Как реалист, звучат знаменитые строки тургеневского стихотворения в прозе «Как хорошо, как свежи были розы».

Гимн юности писал Толстой и Тургенев, Пушкин, и Лермонтов. Памятным языком написал Горький об участии пролетарской и крестьянской молодежи в условиях капитализма.

Суровую правду рассказал великий мастер пролетарской литературы об идиллической деревенской жизни, звериной борьбе миллионов Гаврилы. Однако стоит образ бунтаря Челкаша. Страшна была о днях человеческих, исплеванных, истоптанных в чужой охотничьи.

«Ни сказок про них не расскажут. Ни песен про них не споют». Но где она, где история нового поколения, рожденного в эпоху диктатуры пролетариата?

Уже более года назад т. Косарева предвещала советской литературе большую и серьезную литературу. Ленинский комсомолец требовал от писателя правдивого рассказа о молодежи Октября. Не сурового умения, не голой схем, а правдивого художественного повествования.

Ряд книжек рапортует об итогах этого года «Символист» Ольга Форш, «Юноша» Левина, «Сестры» Вересаева построены на молодежной тематике.

Но молодежь Октября до сих пор рисуется некоторыми писателями в рационалистическом плане в образе комсомольского билета на двух ногах.

Весьма показательна в этом отношении «Юноша», еще незаконченный роман Ольги Форш «Символист». В своем романе Ольга Форш сталкивает два мира: мир Зои Павловны Калановой — французских стихов, ковров, сувениров, чувств трогательных и нежных — и мир Ольги — дочери ее Нины Калановой. «У Нины стол, стул, железная кровать — вот и все баракло, конечно, Ленин на полке» («Звезда», № 1, стр. 13).

Нине чужды чувства, желания, радости.

Такова по Ольге Форш молодежь Октября. Именно по этой линии идет композиционный разворот романа, борьба старого и нового мира.

Гибнет старый мир, история поштату сокращает чувства. Перед читателем раскрывается трагедия жизни людей: Лагоды, Тамарины и др. Меленные умирание, тоска по чувству, по радости...

«Пока строй осуществится, разрешите чувство», — истерически взывает перед смертью Зоя Каланова.

В своем романе Ольга Форш раздвигает границы, расширяет границы классического утверждения Маркса.

История молодого человека нашей эпохи не может быть написана только в тиши кабинетов. Она создается в движении миллионов, она творится на великой стройке социализма.

Пережитки капитализма в экономике и сознании людей выражаются в отношении к труду, к собственности, к морали.

В этом году возникла одна из замечательных книжек нашего времени «Юли Станиславского трагедия». В ней во всю ширь встали основные вопросы строительства, в ней правдиво показаны люди, строящие социализм. «Я пришла из племени ерзя» — рассказывает Мамз Керим. И в ее сухих, нерасчлененных словах раскрывается путь миллионов. Темой книги является путь от бесчеловечного раба до «возрожденного человека».

Какая величественная тема, каких размах для дерзновенной, для творческой мечты! Исчерпал ли авторский коллектив Ильина, Гална и Эрлиха эту задачу? Нет, разумеется. Показательного героя нашего времени является генеральным планом советской литературы на сегодня, она по плечу всей литературе в целом. Книга о СТЗ правдиво рассказывает о героине будущей, о рождении нового человека.

В этом большая победа социалистического реализма, в этом показатель творческого роста авторского коллектива.

Герои этой книги являются миллионы молодежи, и каждый из них сохранил свою индивидуальность. На строительстве пришли люди из многих уголков Советского союза. Пришли люди, не прошедшие горнила капиталистического труда. Многие из них родились в 1911 г.

верить, научиться понимать всех людей стать насмешливым наблюдателем из арены жизни и непосредственно производить эксперименты». Таков путь освобождения от груза раздвоенности Нинки и Лельки. Такова идея произведения.

Но как бедна, как жалка эта идея!

Проблему переделки мелкобуржуазной интеллигенции Вересаев перенес из мира реального и осязаемого в мир абстрактных схем, идеалистически предрешенной борьбы рационального и иррационального начала.

Немудрено, что в основном эксперимент свелся к любовным психологиям двух красивых девочек с толстыми косами, к которым льнут парни и ответственные работники.

Военный с тремя ромбами и рабочий-ударник комсомольский активист и рабфаковец служат лишь фоном для многообразия юношеских любовных переживаний Нинки и Лельки.

Даже процесс «перевоспитания» заводским коллективом хулигана Юрки показан как одна из любовных побед Лельки.

Со скрупулезной точностью раскрывает Вересаев образы Нинки и Лельки. Подобно Ольге Форш Вересаев пытается уверить читателя, что строит социализм живет инстинктом и математическими формулами.

Души, тремя небрежными штрихами он рисует безликую комсомольскую массу. На фоне серой толпы выделяется одна-две фигуры. И во главе всех — она, комсомолка в кожаной куртке, организатор молодежи, — Лелька.

Это она учит молодежь новому коммунистическому отношению к труду, героике будней. Это ее устами на торжественном заседании комсомол обращается к партии.

Вересаев не разрешил проблемы молодого героя. В книжке Вересаева отсутствует молодежь, ленинский комсомол.

Не разрешил этой проблемы и Левина. «Юноша» пришел в страну Советов уже сложившимся эпигонным типом человека. 18 лет Мише Колче не стар он и жизнь ему кажется пройденной. Левину не удалось раскрыть социальную значимость образа Колче на фоне жизни и борьбы советской молодежи.

16 лет Октября прошли бесславно для юноши. Решенному и ослепшему миру Михаилу Колче простоватость комсомольские билеты на двух ногах. Вот почему так бесцветны образы Габузо и Ясновова. Они даже не запоминаются, сливаются в одно серое пятно. И это не случайно. Маркс индивидуальность типического видел в том, что персонажи живут действительную жизнь своего класса, своей эпохи. Именно в этом плане идет разработка Марксом проблемы характера в литературе.

Отсутствие реальной ситуации превращает персонаж в абстрактные точки зрения. «Так как они не живут действительной содержательной жизнью, то им ничего не остается, как усиленно подчеркивать значение совершенно несущественных поступков» (Маркс, «Критическая критика»). «Сестры» и «Юноша» являются блестящим наглядным примером классического утверждения Маркса.

История молодого человека нашей эпохи не может быть написана только в тиши кабинетов. Она создается в движении миллионов, она творится на великой стройке социализма.

Пережитки капитализма в экономике и сознании людей выражаются в отношении к труду, к собственности, к морали.

В этом году возникла одна из замечательных книжек нашего времени «Юли Станиславского трагедия». В ней во всю ширь встали основные вопросы строительства, в ней правдиво показаны люди, строящие социализм. «Я пришла из племени ерзя» — рассказывает Мамз Керим. И в ее сухих, нерасчлененных словах раскрывается путь миллионов. Темой книги является путь от бесчеловечного раба до «возрожденного человека».

Какая величественная тема, каких размах для дерзновенной, для творческой мечты! Исчерпал ли авторский коллектив Ильина, Гална и Эрлиха эту задачу? Нет, разумеется. Показательного героя нашего времени является генеральным планом советской литературы на сегодня, она по плечу всей литературе в целом. Книга о СТЗ правдиво рассказывает о героине будущей, о рождении нового человека.

В этом большая победа социалистического реализма, в этом показатель творческого роста авторского коллектива.

Герои этой книги являются миллионы молодежи, и каждый из них сохранил свою индивидуальность. На строительстве пришли люди из многих уголков Советского союза. Пришли люди, не прошедшие горнила капиталистического труда. Многие из них родились в 1911 г.

В людях СТЗ во всю ширь встала проблема молодого героя нашей эпохи.

Когда-то Алтаузен писал: «Во все-таки, все-таки больно, И я не прошу себе, За то, что я не был за Смольным, За Лагогой не был в борьбе. За то, что не отдал я лани, Которую должен отдать. Рожденный с опозданием, Боюсь я опять опоздать. Безусый энтузиаст взывал в тобе: «Повесьте меня под Перекопом. Застрелите Под Варшавой. Книга о СТЗ повествует суровую правду о Перекопе труда, о беском энтузиазте года рождения 1911.

Мы наступили на горло старому миру — расеейской обломовщине, работе на-глазок.

Освоение производства — один из вопросов строительства социализма.

Пуск СТЗ был Перекопом для молодежи Октября. Она держала экзамен в условиях суровой борьбы за овладение техникой. Во всю ширь встал вопрос, как работать, как подчинить человеку машину.

«Да, мы ломали станки», — вспоминает Макарянц.

Классовый враг, филистер и оппортунист видели в трудности поражение, они делали ставку на некультурность молодежи. Книжка о СТЗ рассказывает о победе большевистского строя, молодой большевистской воли. Биография людей Октября неразрывно переплелась с биографией страны.

История СТЗ — это история Урамаша, это история Бобриков. Бывший ученик ФЗУ Белогорья пришел по комсомольской мобилизации на Бобриковский комбинат. Герой стартует 18 лет, а в комсомол он вступил в 1931 году. К величайшему прискорбию Алтаузена.

Не ему в живот Войнажи колья. Не его возили на расстрел, Он секунды не страдал в подполье. Кандаляки в тюрьмах Не зная.

Белогорин представитель новой героической породы, выросшей в эпоху диктатуры пролетариата.

Он дрался на трудовом фронте за овладение техникой, за освоение производства. В горниле классовой борьбы выковалась комсомольская совесть. Безусый энтузиаст года рождения 1917 должен быть организатором, уметь работать по-большевистски.

Молодой герой советской литературы вырос в борьбе за коммунистическое отношение к труду, в борьбе с штурмовщиной. Вначале героизмом считался порыв работы рывками. Именно в этом некоторые писатели видели романтику труда. На самом деле в ночных тревогах сказались неумение по-новому работать, по-новому руководить на данном этапе.

«Сейчас», — говорит Макарянц, — мы не стали бы два часа вручную крутить трансмиссию, а добились бы, чтобы нормально работали турбины. Помню, как в некоторых коммунах монтажники не спали часов по двадцать, ожидая прибытия оборудования, и утомлялись настолько, что засыпали стоя.

Тогда это считалось героизмом. Сейчас это представляется отсутствием простого здравого смысла» («Юли СТЗ», стр. 182).

Наша литература должна показать, как в борьбе за коммунистическое отношение к труду рождаются новые чувства и радости.

Страна должна знать Белогоричей, воспитанных ленинским комсомолом. У нас очень много разговоров шло вокруг «Ведущей оси». Может быть, поэтому из поля зрения критики выпал образ Платова. Комсомолец Сеня Платов прошел трудный путь от малоратного рабочего до командира производства. Это Платовы дрались в вузе против мелкобуржуазного анархизма вересаевских «Сестер». Путь пройден, но борьба не закончена. Бывшему формовщику Сене надо овладеть техникой, организационной работы в цеху. Иначе Платовы обречены на участь шланга с комсомольским билетом в кармане. Освоение молодежью производства — основная идея «Ведущей оси».

В смелой постановке вопроса — заслуга Ильенкова как художника. Но он не раскрыл еще все богатство образа молодого героя.

Октябрьская поросль учится, работает, дерется на самых различных участках социалистического строительства. Какой разворот новых чувств и желаний, какое богатство характеров несут они в литературу. В этом источник величайших дерзновенных высокого художественного мастерства нашей литературы.

Счет комсомола должен быть открыт.

НАПИШЕМ КНИГИ О СЛАВНЫХ ПИТОМЦАХ КОМСОМОЛА — СТРОИТЕЛЯХ СОЦИАЛИЗМА!

МИРОШНИЧЕНКО — организатор автоцентра; ЯКОВЛЕВ — конструктор самолетов; ПРОКОВЕВ — командир стратогата «СССР»; СТЕПАНЧЕНКО — рекордсмен — планерист; АИРАПЕТАЯНЦ — биологический техн. (Л-д.); ЕВСЕЕВ — рекордсмен — парашютист; УСЫКИН — ассистент акад. Коффе; БОТВИННИК — чемпион СССР по шахматам

НАРОДНЫМ ПОЭТ АКОП АКОПЯН

К СОРОКАЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В октябре этого года исполняется 40 лет литературного творчества армянского народного поэта Арама Акопяна. Одновременно поэту исполняется 67 лет.

Поэт принадлежит к старой гвардии закавказских большевиков, крепко связан с революционным подпольем — стойкий поэт-большевик, поэт армякострашник. Прежний возраст и тяжелая болезнь не оторвали его от текущей литературной работы. Соркалетие своей литературной деятельности А. Акопян встречает новыми произведениями: он написал 5 пэм, посвященных социалистическому строительству, 30 новых стихотворений и 15 рассказов, воспоминаний о революционном прошлом.

Ценность творческой продукции Акопяна огромна, его литературно-историческая роль значительна, так как он отображает зарождение и отдельные этапы революционного движения рабочего класса в Закавказье.

Творчество Акопяна является плодом революционной борьбы всего пролетариата Закавказья; поэтому его поэзия доступна пониманию пролетариата всех национальностей Закавказья. Его произведения переданы на грузинский и турецкий языки. Они понятны и международному пролетариату, так как пролетарское движение по своему существу есть явление интернациональное. Имеется русское издание Акопяна под заглавием «Новое утро». Отдельные труды поэта переведены и изданы на европейских языках. Теперь готов к изданию перевод на французский язык сборника произведений Акопяна, который удостоился лестной оценки Романа Ролана.

Тов. Луначарский находит у Акопяна много общего черт с известным бельгийским поэтом Эмилем Верхарном. Даже манера письма у Акопяна, по Луначарскому, часто приближается к манере свободного стиха, которым предпочитает пользоваться Верхарн.

Историк этого столетия в том, что и Верхарн и Акопян были люди, ненавидящие прошлое и ставящие зло, устремленные с неуемной страстью к лучшему будущему. И Акопян и Верхарн бесконечно высоко ставили труд и видели в рабочем осуществлении своих надежд.

Если Верхарну суждено было жить в своей культурной части Европы, то Акопяну приходилось воспевать угнетенный, эксплуатируемый класс на рубеже Востока, у берегов Каспия, где сосредоточился мощный бакинский пролетариат.

Роман Ролан в своем письме из Швейцарии сообщает, что Акопян не заинтересован в судьбе Арама Акопяна, который является продуктом великой пролетарской революции. Ролан считает эти песни вынужденными, сильными, а их французский перевод, сделанный тов. Мир-Интбергом, мастерским.

В том, что Акопян стал пролетарским поэтом, главным ролю несомненно сыграла Баку с его прощальным пролетариатом. Здесь поэт прожил семь лет и побоялся на нефтяных промыслах. Был чернорабочим, табельщиком, кассиром, счетоводом. Здесь юностью он стал посылать тайные кружки, оппозиционно настроенные, где изучались Гершен Оганес, Чернышевский, Добролюбов Писарев, Прудон.

Акопян пережил революцию 1905 года со следствием за ней реакцией 1910—1914 гг. империалистическую войну, дошел до Октябрьской революции и социалистического строительства в стране Советов.

В стихотворении «Масса — мой мир» (1905 г.) Акопян уже стоит на стороне трудящихся масс, поет их горе и лишения, волна, создавшая стихотворение «Революция», уносит с собою поэта: в том же году он выступает как писатель социал-демократ, примкнувший к большевикам.

В стихотворении «Революция» (написанное в первые революционные дни 1905 года) поэт дает образ революции:

Потряса весь мир... И паки в прах законы былые... И из потуг родовых родилось дитя мятежное — Свобода.

Насилие исчезнет без следа: Бесправный пролетарий станет Владычьем своего труда. Я говорю вам: близок тот день. И обретет его в борьбе рабочий. Одним рабам свобода: прапор, — Но цель великую провидит зорких очей. (1906 г.)

АКОП АКОПЯН

Эта вера, несокрушимая и безграничная, впоследствии проходит красной нитью во всех трудах поэта.

В годы мрачной реакции, когда ряды бойцов поредели, стойкое и непоколебимое перо Акопяна (1908 год) создает полное гнездо и протеста стихотворение, в котором он требует мести против озверевших палачей:

Идут, идут и, как полчища туч, Сгущаются в клуб; И вопли труб Протест их несется, дик и могуч. И волен, и жгуч... Убитые мести плачом поют, Камни вопиют; И клич их грозный в испуге лова,

Трещит земля... По воздуху искры вьются во тьму, В разверстыи валах Летят, разгораясь, — пожар ракет стет

В мстках их встреч; В огне неизбежной куется тот Мошной мести меч. (1908 г.)

В годы подвига рабочего движения перо поэта звучит энергией и бодростью. Завод, который в 1908 г. являлся огромным склепом, в 1910 г. рисуется в совершенно иных красках. Этот год поистине является зарею, как говорит поэт в стихотворении «На заре»:

Тышь только я переступил порог, Меня приветствовала в живом повороте жила. Негуманным радостным гулом И крик машин, хорал железных оргий.

Веселые станки шумели, точно вал Реки широкой, и ремни резались. В гремящем молоте мотыч бились: «Я не устану еще. Еще я не устаю! Звучал концертном гоиме мне родной. Огней метнулось брызги из горнялка. Неугасимой, вечной искры сила — Вот новой жизни песенник живой. (1910 г.)

Большая поэма Акопяна «Новое утро» написана в 1909 г., является синтезом целого ряда стихотворений, написанных поэтом о борьбе пролетариата.

В эти же годы написаны стихи из зарубежных впечатлений. «Вечер в деревне», написанный в Зальцбурге, дает картину уютной, красивой, самодовольной заграничной деревни, внешность которой, однако, обманчива. Поэт видит царящее там неравенство, противоречия капитализма, угнетающую трудящихся нужду, жестокую эксплуатацию труда и т. д.

Во время империалистической войны, когда политическая и общественная реакция достигла предела, когда мелкобуржуазные политические группировки — меньшевики, эсеры и прочие — открыто переходят на сторону буржуазии, перо Акопяна сохраняет свой революционный дух, исполненный веры в пролетариат, в его неизбежную победу:

В 1915 г. поэт пишет: Пусть уходит робкие души... Я свой пост не покину, не! Ноги смуряк меня не задушит, На часах я встречу рассвет. Октябрьскую революцию Акопян встречает восторженно, воспевает ее героев и ее великого вождя Ленина. Он посвящает ряд поэм социалистическому переустройству страны.

Поэмы эти общезвестны: «Ширканал», «Волжстрой», «Литинградская поэма» и другие. «Акоп Акопян», — говорит Луначарский, — от песни страданий, протеста и гнева дошел до песен советского социалистического строительства. Он, который до Октября вел борьбу пролетариата, приветствовал ее, боролся за победу, теперь поет победное шествие и строительство социализма в первом пролетарском государстве. Быстрые темпы строительства первого великого канала советской Армении восхищают поэта. Посетив Ширканал, он поет:

Я пришел, чтобы громоу петь пропеть за один день, Что поэтами твоими за семсот дней сложена, Я пришел с приносом звонким для родных твоих равнин. Где веками лишь сверчками наперья румялись тишина...

Жизнь отдаю за день тот светлый, Жизнь отдаю за светлый час. Тот, когда опять увидит Ширканал мой зоркий глаз... (1924 г.)

Посещение различных мест Советского союза воодушевило поэта на создание поэм «Волжстрой» и «Литинградская поэма». В них сохранены стиль и форма «Ширканала».

В эпопее «Тифлис» поэт на фоне революционно-исторических событий дает ряд характерных автобиографических моментов. Особенно яркими красками переданы в поэме моменты его молодости. Такой же автобиографический характер носит и прозаический сборник «Из воспоминаний агитатора». Тут также на фоне событий и встреч прошлого поэт дает отдельные страницы из своей жизни. В книге перед нами проходят закавказские — Степч Шаумян, К. М. Орджоникидзе, Торошедзе, Сурен Спандарян, революционные события 1905 года, революционные и неревволюционные деятели Закавказья и эпизоды гражданской войны на Северном Кавказе. Все это написано живым языком и читается с большим интересом.

Акопян написал почти семьдесят лет литературы. На его счету много имен. Поэт писал до Октября и после Октября. Поэзия его не иссякла. Он прожил семь десятков лет не напрасно. Он является живым свидетелем великих дел революционного движения, совершенных большевиками.

Мы должны пожелать ветерану пролетарской поэзии в Закавказье здоровья и сил, чтобы он и после сокоплетного юбилея литературной деятельности продолжал свою работу с той же энергией, как он это сделал после празднования своего тридцатилетнего юбилея (1925 г.), когда советская общественность с большим уважением отнеслась к его труду, дав ему высокое звание пролетарского народного поэта.

Тифлис. А. СУРХАТЯН

Г Е Р О И

ГОВОРЯТ ЗА СЕБЯ

НА ВЕЧЕРЕ А. С. НОВИКОВА-ПРИБОЯ

На несколько часов снова ожила во всей ее жуткой неприглядности мрачная обстановка Цусими, черная действительность России Николая II, генералов Рожественских, Стесселей, Куропаткиных...

Она воскресла из новых ярких глав «Цусими», прочитанных А. Новиковым-Прибоем 24 октября в Литературном музее при Всесоюзной библиотеке им. Ленина. Главы эти (приобретенные уже одним японским издателем, так сказать, на корню) не уступают лучшим страницам первой части «Цусими».

— А какова дальнейшая судьба персонажей, упоминающихся в «Цусими»?

А. Новиков-Прибой не может, к сожалению, полностью удовлетворить законное любопытство аудитории. Иные, например, особенно интересные всех кочегар Балла, исчезли из виду. Мичман Водяной, в эмиграции (при Керенском) — занимал крупные посты в морском министерстве. Одна из центральных фигур повести нижегородца Васильев, сыгравший такую большую роль в развитии и формировании сознания баталера Новикова, проживает в Ленинграде, где работает в качестве крупного специалиста по советскому судостроению.

А остальные пусть говорят сами за себя. Живые свидетели цусимского катаклизма, они пришли на вечер, организованный Литературным музеем, чтобы поделиться своими впечатлениями о книге их лучшего друга, дополнить ее своими личными воспоминаниями.

И их судьба сложилась различно. Вот — б. сигнальщик броненосца «Орла» Зернов, преподающий теперь черчение в одной из художественных школ. Вот — б. боцман Воеводин, тот самый, которому поручена была на «Орле» слежка за юным баталером. Он сейчас — скромный лодочный извозчик в Москве.

Смущенно рассказывает он о том времени, которым пользовался в японской пролетарской работе во время пребывания в японском плену, о глубокой правдивости изображений, данных Новиковым в «Цусими».

Голосом, срывающимся от волнения, делится своими воспоминаниями т. Ларионов, б. штурман, а теперь научный сотрудник Ленинградского севсмологического института. Он дает яркую картину гнили, развала, немощи царского флота, состояние которого дало право одному видному французскому военноморскому специалисту начать свой труд о России словами: «Россия никогда не будет великой морской державой».

Это было верно, — говорит Ларионов, — поскольку речь шла о царской России. Но это звучит странно в приложении к СССР. Достаточно сказать, что если бы 30 лет назад Арктика была освоена нами так же, как сейчас, то не было бы Цусими, ибо тогда эскадра, описанной Новиковым-Прибоем, пришлось бы проделывать расстояние не в 18000 миль, чтобы достигнуть Владивостока, а в 2000 миль!

Всяма поучительное зрелище представляла собою и выставка, специально приуроченная к вечеру и организованная под непосредственным наблюдением Новикова-Прибои. Особое внимание обращает на себя раздел, где представлены оригиналы переписок между царскими управлениями, прокурором петербургской судебной палаты, Главным морским штабом и Управлением по делам печати по делу о брашнах А. Захарова «Безумцы и бесплодные жертвы». А Захаров — псевдоним, под которым Новиков-Прибой выпустил книжку, явившуюся одним из эскизов к будущему монументальному полотну о Цусими.

ЯК ЭЙДЕЛЬМАН

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ НАШИХ ПОЭТОВ

ВСТРЕЧА ПОЭТОВ ЛЕНИНГРАДА И МОСКВЫ 20 и 21

Два дня длилось, созванное издательством «Советская литература» поэтическое совещание, в котором приняло активное участие около 30 поэтов, в том числе приехавших из Ленинграда А. Прокофьев, Н. Браун, С. Корнилов, И. Салдофьев, Гитович, Эрльх и Решетов и из Киева — Н. Ушаков. В большом количестве собралась москвичи — поэты и критики: Асеев, Багрянский, Луговской, М. Светлов, В. Инбер, Уткин, Сурков, В. Гусев, Дементьев, Смеляков, Лавров, Ерилюков, Трошенко, Селивановский, Д. Мирский, О. Брик, П. Васильев, Ф. Левин и многие другие.

Совещание началось со вступительного доклада Е. Успенвич. Она говорила о том, что постановление ЦК партии от 23 апреля 1932 г. до сих пор не нашло должного отражения на поэтическом участке советской литературы. В частности, не пересмотрены устаревшие теоретические установки, не учтена новая расстановка творческих сил в области поэзии. До сих пор не создана новая марксистско-ленинская концепция о советской поэзии между тем, как в апреле 1932 года, произошли серьезные сдвиги в поэтической среде и в творчестве отдельных советских поэтов.

Задача нашей критики — по возможности поставить ряд важнейших проблем поэзии, дать новые конкретные оценки отдельным явлениям, теоретическим и творческим установкам отдельных поэтов. Эту задачу критика в полной мере не выполняет, в этом — ее отставание.

Подробно остановилась Е. Успенвич на вопросе эмоциональной и «рассудочной» поэзии, утверждая, что поэзия только тогда действительна, когда она эмоционально насыщена. Рассудочная поэзия, лишенная эмоциональности, не волнует и не ведет за собой читателя. Философские проблемы, поставленные например в книге В. Луговского «Жизнь и свидетельствующие о процессе освоения им пролетарского мировоззрения — оставляет все же читателя равнодушным, ибо они обременены поэзией в действительности художественными образами, а вложенные в поэтических категориях. В этом, по мнению Е. Успенвич, основной недостаток поэмы В. Луговского.

Вопрос о творческой среде поэта — неизменный вопрос всех поэтических собраний последнего времени. Затронутый Е. Успенвич горячо обсуждался он и в прениях на совещании в «Советской литературе».

Об отсутствии творческих группировок и лабораторий, о разобщенности поэтов, которые творческие не помогают друг другу, говорил И. Уткин. Не помогает поэту и критика, которая во времена РАППа совершенно замалчивала творчество поэта, или подходила к нему с презрительным мнением.

Утверждает Уткин, что поэты сами в большой мере виноваты в отсутствии у них творческой среды: они проявили очень мало активности для ее создания; мало активны поэты и в борьбе с ошибками критики. Если до ликвидации РАППа московские литературно-художественные журналы и газеты часто руководили групповыми соображениями при печатании тех или иных статей, то теперь такого положения нет и любому поэту дана возможность высказаться в печати во всем объеме интересующих его тем.

А. Сурков, отводя упреки Уткина по адресу критики, в полемической резкой форме бросает ему встречный упрек: никто не мешает Уткину писать и не вна критики, что поэт испытывает творческий затор в настоящее время.

Ленинградские поэты — А. Прокофьев и И. Браун заостряют вопрос о взаимоотношениях поэтов с Москвой. Браун рассказал, как во время партийной чистки ленинградских писателей были вскрыты нежелательные еще остатки групповщины. От этих недостатков групповщины не избавился еще по его мнению, и Москва. Тон и характер

См. пред. номер «Л. Г.»

ряда высказываний на поэтическом совещании оставляет впечатление серьезного неблагоприятия в московской поэтической среде.

Почти все ленинградцы, в особенности А. Прокофьев, подчеркивали оторванность московских поэтов от ленинградских.

Ожесточенной критике со стороны некоторых участников совещания подверглась поэма В. Луговского «Жизнь». Для них — поэма Луговского — «серое, скучное, напыщенное, псевдофилософское произведение» (И. Уткин, П. Васильев, Я. Смеляков, П. Лавров). Противоположного мнения другая, более значительная часть поэтов и критиков, к которой присоединились ленинградцы (В. Инбер, М. Светлов, И. Салдофьев, Н. Браун, А. Прокофьев, Е. Трошенко, В. Ерилюков, Д. Мирский и др.). Поэтика поэта — создать произведение, ставящее большие философские проблемы, при всех частных ее неудачах заслуживает внимания и поощрения со стороны поэтов и критиков.

В ответ на резкие нападки В. Луговской в самокритической речи рассказал его работа над поэмой. «Многие, — говорил он, — находят мою поэму неудачной. Пусть это так. Но именно эта моя поэма открыла мне путь к большому творчеству, к большому творческому горизонту».

В. Ерилюков на опыте недавней поэзии на Урале, проводит параллель между литературной жизнью Москвы и Магнитогорска. Он приходит к заключению, что оторванность многих московских поэтов от живой жизни отрицательно влияет на их творческую практику. Они теряют ощущение больших задач, стоящих перед поэзией и впадают в литературщину. Характерно в этом смысле то задание, которое ставит себе например Я. Смеляков, — создание особого грустного «анти-вертинского» жанра, а также требование П. Лаврова «права на непопятность».

Эти вредные тенденции получили на совещании должный отпор товарищей, которые, созная всю ответственность задач, стоящих перед советской поэзией, требовали для нее глубокой идейной насыщенности и партийности в поэзии. (В. Инбер, Ф. Левин, Е. Успенвич, Н. Дементьев, В. Гусев, А. Сурков).

Об ответственности поэтов перед читателем убедительно говорил И. Асеев. (И не один он; на этом же совещании выступили и Салдофьев, и Луговской, и Браун, и Ерилюков и др.). Не все стихи, по выражению Асеева, пишутся на полную поэтическую монету. Часть из них — «бульварные стихи» — часто коллективно пишутся для того, чтобы скорее составилась книжка. С этой темой Асеев перешел на тему о стихах в газете. Работая в газете, поэт участвует в общественно-политиче-

ских кампаниях, проводимых советской печатью. Но качество газетных стихов в большинстве случаев ниже художественно-творческого уровня их авторов.

С. Кирсанов и О. Брик выступили в прениях по вопросам поэтики, творческой среды и т. п. Однако, по ряду принципиальных вопросов, поднятых на совещании, бывшие левые не заняли четкой позиции. Многие из выступавших, отдавая должное творческой практике Асеева и других б. левых, полемизировали с некоторыми их теоретическими установками. В частности Гитович считает, что ошибка б. левых заключается в том, что они, как ярые приверженцы и последователи Маяковского, не учитывают того движения, по которому могало бы развиваться его творчество, если бы не смерть поэта. Они продолжают воспринимать Маяковского в статике, что приводит их теоретические установки к творческому кризису и часто наблюдаемому разрыву между их теорией и собственной творческой практикой.

Совещание уделяло большое внимание фольклору в поэзии. В творчестве некоторых московских поэтов — из ленинградских особенно у Прокофьева и Корнилова, очень сильны элементы поэтического народного творчества. Вопрос об использовании фольклора оказался дискуссионным. Утверждение Е. Успенвич о том, что в советской поэзии должно быть использовано и по-новому осмыслено все богатство народного творчества, вызвало возражение Е. Трошенко. Она предостерегла поэтов от использования фольклора, уходящего своими корнями в эпохи феодализма, торгового капитала (купеческий фольклор), предлагаая их вниманию фольклор революционно-демократический. По мнению Суркова, у многих наших поэтов, работающих на фольклоре, элементы народного творчества подменяются иногда, по существу, одной только стилизацией.

Многие высказывания поэтов были посвящены вопросам критики. В частности, резкие нарекания вызвала статья Малишевского в «Новом мире» о поэме С. Кирсанова «Кара Маркс» и др.

В двухдневном совещании поэты затронули самые разнообразные вопросы творческой практики, что является несомненной его заслугой. Однако оно мало внимания уделяло конкретной творческой практике поэтов. Совещание в то же время обнародовало то значительная часть поэтов еще живет в душной атмосфере литературщины и оторвана от практики социалистического строительства.

Е. ПЕЛЬСОН

От редакции. Считаю вопросы, выдвинутые на совещании, очень актуальными, редакция предлагает поэтам и критикам высказаться по ним на страницах «Л. Г.»

Диспут о «Сильном дыхании»

Машинист горных путей магнитогорских долин Ал. Авдеенко написал книгу «Я люблю».

Для обсуждения книги собралась группа рабочих-писателей кабинета рабочего-автора Профиздата. Собрался литкружок, среди которых, возможно, немало завтрашних Авдеенко. Они слушали вступительное слово т. Селивановского, во многом с ним согласны; с тем, что в книге есть пафос строительства, и с тем, что автор «Я люблю», выросший на годах первой пятилетки, очевидно, с таким же пафосом отобразил период освоения и закрепления побед второй пятилетки. Тов. Селивановский отнюдь не «перехваливал» Авдеенко; он утверждал, что в книге есть и недостатки, и те, что автору ее нужно еще овладеть культурой вообще и культурой слова в частности. Стиль Авдеенко, сказал докладчик, это стиль «свободного дыхания».

Встает парек в синей беретке, Маленький, не то иронически, не то благодушно посмевающийся. Его фамилия Киперляк, он немец, работает на заводе им. Фрунзе.

— Я, товарищи, прогульщик. Сейчас мой станок там, на заводе, стоит, а пришел сюда, на это собрание. Почему? А вот почему — я бывший беспролетарий и когда я прочел книгу Авдеенко, я не смог побороть искушения прийти сюда. В Саньке, в бывшем беспролетарии, о котором пишет Авдеенко, я увидел себя, и мне показалось, что я изображен там неверно. Таких легких перевержений из беспролетария в сознательного рабочего не бывает.

Калиновский, литкружковец «Серпа и молота», который бросил Авдеенко обвинение в «каллиновщине», говорит также страстно. Авдеенко во второй части книги пишет, а поет на самой высокой ноте: «В общем все — и те, что грома, и те, что хвалили меня, — скончался на дыму т. Селивановского: — Мы гордимся этой книгой, ибо она лишней раз подтверждает, что из нашей рабочей среды выходят люди с недюжинными талантами. Но мы не хотим, чтобы излишние славословия сбивали Авдеенко с верного пути. Ибо на этом пути ему придется еще проделывать большую работу над самим собой».

ГРЕБНЕВ

ВОССТАНИЕ ГЕРОЕВ

... в те дни, когда новые хозяева задевали издранные опалки и снарядами московские улицы, второпая протыгивали оборванные провода, подымали опрокинутые трамваи, охраняли пожерище у Никитских ворот. В эти дни товарищ Луин получил новое назначение. Его вывели в Московский совет, он пошел на заседание штаба, где обсуждали, кого и куда послать. Он узнал, что его уже назначили на ответственную работу: по военной линии. В конце заседания секретарь вручил ему блянку военно-революционного комитета:

Товарищу Луину. С полноточием сего предлагается принять все дела от команданта города Москвы полковника Морозова и вступить в исполнение обязанностей...

Луин взял бумажку, прочитал, кинул карман и молча вышел из комнаты. Спустился по лестнице, он опять достал бумажку и перечел еще раз — все ясно и просто — надо принять дела. Но это простое дело Луин не знал, как сделать. Он хотел было вернуться и спросить у товарищей, но подумал, что этого назревает никто не знает. Он махнул рукой и, сбегав с последней ступеньки белой лестницы, решительно повернул к выходу.

На площадке у подъезда стояли машины каких-то былых учреждений и лиц. К Луину вразвалку подбежал шофер, вознивший его в эти дни в Кремль, то в округе, в районные советы, в казармы... — Куда, товарищ Луин? — Да вот надо бы мне в коммандату города Москвы...

— Сейчас заведу, — на ходу крикнул шофер. Луин, шагнул к двери, потянул кованую бронзовую ручку. Дверь не отворилась. Он надавил кнопку звонка... Дверь приоткрылась, шеивар седой и важный просунул голову в узкую щель:

— Вам что? — Мне нужен полковник Морозов... — Не принимает! — шеивар захлопнул дверь.

— А вы, товарищ Луин, через двор придите, — предложил шофер Фокин и, не дожидаясь согласия Лунина, пошел к воротам. — Идите сюда, я знаю ход.

Луин, подвигившись по черной лестнице, прошел какую-то гулко залу и, услышав разговор в соседней комнате, постучал.

— Войдите! В просторной диванной комнате с блестящими большими столами сидели военные. Когда вошел Луин, они замолкли. Тот, что сидел справа, почти у двери, спросил: — Что вам угодно?

Луин козырял, и сейчас, когда он отвечал, что ему нужен полковник Морозов, ему все время хотелось поднести руку к своей папаше, но бумажка, спрятанная в холщевом кармане солдатской шинели, не позволяла этого сделать.

— По какому делу? Луин смущаясь и волнуясь, не стараясь не показывать этого, достал помнутую бумажку и подал высокому военному. Военный, еще совсем молодой подполковник, внимательно прочитал документ и, встав, звякнул шпорами:

— Сию минуточку дождо. — Пожайдите сюда! Луин понимает, что это зовут его. Он идет к двери. Под ногами мягкий ковер, приглушенные занавески смягчают яркий солнечный свет. В комнате тихо, будто никого нет, но валь вправо против двери сидит, наперякая, полковник Морозов. Луин подходит к столу. Морозов приподнимается с мягкого кресла и тоже спокойно, но Луин уже знает, что испоконно, говорит:

— Видите ли... — тут Морозов становится, подыскивая, как назвать Лунина, но, ничего не приходя, решает говорить без обращения. — Видите ли, для меня приказ военно-революционного комитета, конечно, ничего... он остановился, подумал и опять заговорил: — не действительна, во-

статочная во внимание события последних дней, я вынужден, так сказать, уступить вам место. Пока будем рассматривать эту смену, то есть замену меня вами, временною.

Подковник замолк и, скорбно поджавшая шпорами, вышел из-за стола, на ходу слегка кивнул Луину и пробормотал: — Честно имею... и что-то еще, чего не только Луин, но и никто другой не разобрал бы.

— Заворо! — решил Луин, козыряв вслед Морозову. Когда за Морозовым закрывалась дубовая дверь, Луин растерянно подумал: «Что же, я принял дела или нет?»

Будто в ответ, в комнату вошел тот высокий подполковник и, вытянувшись, опустив руки по швам, сказал раздельно, отчеканивая каждое слово: — Товарищ Луин, разрешите прикомандироваться к вам в качестве адъютанта.

Луин поглядел на офицера, отшел от стола и потом уже будто против воли решил: — Ну, что ж, адъютант, так адъютант. У нового адъютанта горело лицо, на спине выступила горячий липкий пот, ему казалось...

Ну, вот, это я позволила себе привести здесь довольно большой кусок из старого напечатанного в 1928 году романа «Спутники».

Прямое отношения к моей сегодняшней теме как будто бы этого кусочек не имеет. Но он интересен тем, что тут показана встреча основных героев романа. Все это произошло не только в романе, но и в действительности сейчас же после переворота в октябре 1917 года.

Дальше в романе на нескольких десятках страниц рассказывается, как эти люди начали работать. Об этом необходимо кратко рассказать.

Начнем с Лунина. Он, как твердый коммунист, которых так много расплодился наша литература, повис камнем на шее у автора, и автор, ни капельки его не жалея, а скорее радуясь, что отяжеляет от такого тяжелого груза, поспешил его убит в бью к концу первой части.

Второй — Ляндеский, адъютант на офицеров. Тут дело сложнее. Надо было показать его рост, преданность, переход на новые рельсы. Тут автор романа оказался глупее своего героя и счел за лучшее покончить с ним революционным штурмом. Честный, но разочарованный интеллигент, который не мог перенести тяжести своей собственной перестройки, застрелился.

Остается третий — это шофер Фокин. И тут автор нагромождает цепь событий: смерть старухи матери, встречу с беспролетарием, которого Фокин забирает к себе, женитьба Фокина на работнице завода «Большевик». В конце концов, помянувший достаточное количество страниц с Фокиным, автор пристраивает его шофером на автобус и приблизительно на этом кончает его нить в романе. Есть и второстепенные персонажи. Из них — две жены Ляндеского, военные работники, солдаты и прочее. Всего касаться не буду, и не это важно.

Основное — то, что автор старательно придумывает, именно придумывает, для своих героев различные ситуации, за них думал и решал массу вопросов. Даже их жизнь распорядился решительнее, чем свой.

И вот герой романа «Спутники» решил отомстить автору. Начну по порядку. Каждый, конечно, помнит те номера «Правды», «Известий», «Ком-

сомолки», которые для всех нас принесли поразительное известие. Я говорю об открытии Беломорско-Балтийского водного пути. Давно я не читала газеты с таким глубоким волнением.

Потом была организована поездка писателей на строительство. Это была просто талантливая наглядная лекция действительности.

За эту поездку мир для многих писателей стал ошумит по-новому. И, кажется, ни одна дискуссия не дала писателям такого обильного материала, не открыла перед ними таких неожиданных ослепительных просек, как этот ступенчатый водный путь через непроходимые леса Карелии. Каждый задумался о своей работе, о прошлом и будущем, и наговорил было много.

Завершающая точка нашего путешествия — слет беломорских строителей в Дмитрове, центре строительства нового канала, соединяющего Волгу с Москвой.

Когда в Дмитрове остановились наши автобусы и мы вышли на дорогу, первым, кого я увидела, был товарищ... впрочем давайте назовем его так же, как он назван в моем романе. Первым, кого я увидела, был бывший адъютант Ляндеский. Он мало изменился,

О ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА И СЕВЕРНОГО КРАЯ

До революции старый Урал выдал только двух писателей — Решетникова и Мамину-Сибиряка. Октябрьская революция выдвинула десятки имен рабочих-писателей Урала. За последние пять лет советский Урал дал ряд крупных рабочих-поэтов.

Особенно значительны работы писателей на Урале после апрельского постановления ЦК партии. Свыше 40 писателей работают на Урале. 53 новых книги выпустили уральские писатели. Свыше 600 литкружковцев на новостройках и заводах Урала. Организована первая писательская ячейка за полярным кругом: ненская литсекция из пяти человек.

Имена уральских писателей: Авденко, Ручьев, Кудумов, старик-писатель: Бондин (имеющий соркалетский производственный стаж), Кореванова (63 лет) и др. становятся уже известны и за пределами Урала. На Урале складывается прообраз писателя нового типа. Завод является его организационной средой.

Прошедший недавно пленум Уральского оргкомитета показал рост литкружковцев и является показателем радикального изменения литературной обстановки на Урале после апрельского постановления. Пленум показал также большое внимание партии к вопросам литературы; секретарь Уралобкома К. Кабаков провел пятнадцатую беседу с делегатами пленума на тему о современном строительстве Урала и проблемах культуры на Урале. Однако художественная литература еще отстала в отображении этого грандиозного строительства.

Если Урал показывает пример области, где партия и пролетарская общественность сумели победить в борьбе за вопросы литературы, то Северный край — один из тех немногих краев, в которых внимание общественности к литературе еще не привлечено как следует. Оргкомитет Северного края работает плохо.

Вследствие неумелого руководства ряд писателей, как старых, так и молодых, отошел от активной работы. Многие писатели, прекратив писать или вовсе уехали из Северного края. Партийные и профсоюзные организации Северного края не оказывают поддержки и внимания работе оргкомитета по вопросам литературы.

Между тем в Северном крае имеется до 100 писателей, краевой журнал напечатал произведения 80 писателей, есть и писательский актив, выросли новые литкружки края. Надо только с ними повести понастоящему работу.

Секретарь Оргкомитета ССП СССР, заслушав доклад представителя оргкомитета Северного края т. Сидоренко и т. Ермилова и Харитонову (Уральский оргкомитет), постановил послать в Северный край писательскую бригаду (Глеб Алексеев, Л. Ларский, Я. Шведов), которая окажет конкретную помощь Оргкомитету и писателям края.

К Уралу решено прикрепить по возможности писательскую бригаду (т. Ф. Панферов, В. Ермилов, В. Герасимов, Бела Ильин, Б. Пастернак, Б. Горбатов, В. Гусев, Г. Кшиш, Н. Дементьев), которая по изучению литературы краев и областей РСФСР силами писателей Урала и Москвы (литбригада) будет создана книга о культурной революции на Урале. Молодым писателям Урала будет оказана помощь в литучебе: летом откроются краткосрочные курсы.

Мысли из Ленинграда

ПИСАТЕЛИ—ШЕФЫ БЭВП.— ПОЭТИЧЕСКИЙ СЕЗОН.— ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА.

Ленинградские писатели приняли шефство над Беломорско-Балтийским каналом.

Когда вопрос о шефстве, по инициативе А. Толстого и Н. Никитина, был впервые поставлен в Ленинградском оргкомитете, некоторые товарищи было усомнились: — По плечу ли нам, ленинградцам, такая большая работа? Сумеют ли ленинградские писатели без помощи писательской общественности других литературных центров выполнять шефские обязательства?

Сомнения эти не встретили сочувствия и поддержки востребованности. На последнем заседании президиума Оргкомитета единодушно было принято решение о шефстве литературного Ленинграда над Беломорско-Балтийским каналом на месте Беломорского канала. Это не будет обычным шефством, культурничеством, выражающимся в сборе книг и посылке их подшефным. — Беломорско-балтийский водный путь, — заявили писатели, — должен быть мощным каналом, связывающим советскую литературу с конкретным социальным строительством. Кроме литературного обслуживания строителей Комбината, который должен будет содействовать развитию огромной области писателям, будет широко участвовать в проектировке и осуществлении новых предприятий, новых городов, вырастающих на протяжении канала. Литературная жизнь Ленинграда должна быть тесно связана со строительством величайшего в мире Беломорско-Балтийского канала.

Литературное наступление ленинградских писателей на север продолжается. Большая группа писателей будет участвовать в работе конференций по второй пятилетке Мурманского округа, которая открывается 12 ноября в Мурманске. Будущее северной части Ленинградского округа Баренцово-Кольского полуострова, низов, промыслов, островов и проливов — будет раскрыто в многочисленных докладах, намеченных на конференции.

Писатели выедут на север накануне Октябрьской годовщины и октябрьские дни проведут в Хибинах. Северная поездка писателей организуется оргкомитетом ЛенССП вместе с ленинградским издательством писателей. Участвовать в ней будут, главным образом, писатели, работающие над северной тематикой. На местах будет организован ряд литературных вечеров-встреч с местными работниками.

Николай Тихонов поделился с нашим корреспондентом перспективами поэтического сезона в Ленинграде.

— Общественно-творческая жизнь ленинградских поэтов, вызывающая в последнее время много разговоров, в этом сезоне должна быть значительно активизирована.

Мы имеем ряд новых произведений наших поэтов: книгу стихов А. Прокофьева «Дорога через мост», поэму Б. Корнилова «Триполье», «Арпюль» А. Гитовича, «Возвращение» А. Решетова, новые стихи Брауна Сайнова, Рождественского, Спасского, Комиссаровой. В течение зимы поэтическая бригада Оргкомитета проведет ряд литературных декадающих, на которых будут в плановом порядке обсуждаться творчество всех ленинградских поэтов. Отдельный

доклад посвящается поэтическому молодому (Кежун, Глебов, Сорочин, Шмидт, Воронов и др.).

Творческие литдекадайки будут чередоваться с вечерами критики, к участию в которых привлечены: Коварский, Горбачев, Степанов, Виноградов, Мустангова и др. Кроме того нам придется в большей степени заниматься литературными кружками и рабочими литуниверситетами, в которых молодые поэтические кадры не получают еще достаточно условий для роста.

Укрепления творческой связи между ленинградскими и московскими поэтами. Странное дело: многие московские поэты, стремясь на страницах московских журналов к хорошо известному московскому читателю и слушателю, мало известны в Ленинграде — не только читателям, но и литературным кругам. Такое же положение ленинградская поэзия в Москве. Поэтическая бригада Ленинградского оргкомитета намечает организацию вечеров московской в Ленинграде и ленинградской в Москве. Конечно, вечера эти должны быть заранее продуманы и не являться случайными выступлениями, как это бывает со многими нашими литературными вечерами.

Литературные вечера нередко сейчас в Ленинграде «академичны». На днях состоялся большой вечер ленинградских писателей. Выступало много поэтов и прозаиков. Но каждый читал первый попавшийся отрывок или стихотворение. Программа вечера была «заполнена», но говорить о какой-либо литературной значимости этого вечера не приходится. А он был организован горкомом писателей.

Горком, организующий литературные вечера, не должен преследовать лишь коммерческие цели, скажем, усиление средств кассы взаимопомощи, забывая, что вузовская молодежь, обычно составляющая аудиторию Аккапеллы, жлет полнокровного и полновзвучного слова писателя.

Б. РЕСТ Ленинград.

МТП в 1934 году

10251 тис листов-оттисков выпустило МТП за три квартала этого года (что составляет 102 процента годового плана). Читатель в этом году получит от издательства 120 названий книг.

В 1934 году литпродукция МТП возрастает на 250 процентов. Издаваемо выпустит 300 названий — 40 млн. листов-оттисков. МТП борется за высокое качество книги. Но еще не все благополучно на этом участке. МТП как издательство московских писателей выпустило мало книг о социалистической Москве, о крупнейших заводах красной столицы. Установлены премии за лучшую книгу 1933 года (три премии — в 3000 р., 2000 р. и 1000 р.).

В будущем году МТП выпустит около 10 млн. листов-оттисков, социалистической промышленности и колхозно-совхозному строительству, 4 млн. листов о Москве и Московской области, большую серию критических книг (28 названий) и популярную серию «Молодая гвардия». Оргкомитет проведет критическую библиотеку «Литгазеты». Вводятся специальные отделы «Жизнь народов СССР», драматургия, культура и быт.

МОСКВА ЗА ШЕСТИДНЕВКУ

Оргкомитет союза советских писателей открывает в Москве в ноябре вечерний рабочий литературный университет.

В университете будет пять творческих отделений: прозаиков, поэтов, сатириков, драматургов и критиков.

На все отделения университета принимаются рабочие авторы литкружковцев и начинающие писатели, окончившие семилетку и проявившие себя на творческой работе.

Заявления о желании поступить в университет принимаются в секторе оргкомитета по работе с молодыми писателями до 10 ноября. Занятия в университете начнутся с 15 ноября этого года.

В извещении литуниверситета в этом номере читатель найдет подробные сведения об этом важном мероприятии оргкомитета.

В дни Октябрьских торжеств лучшие писатели Москвы будут читать на торжественных вечерах, на фабриках и заводах столицы свои новые произведения. Ячейка и горком советских писателей привлекают к этому делу 120 писателей.

Огромные достижения на фронте науки не могут не питать творческое воображение советских писателей. Но для этого необходимо в курсе научных побед. Оргкомитет приступил к организации систематических встреч писателей с учеными.

Первая такая встреча состоялась в Оргкомитете 25 октября. Темой беседы явились проблемы мировой и советской физики, в частности, итоги недавно прошедшей в Ленинграде конференции по расщеплению атомного ядра. С краткими докладами выступили бывшие делегатами на этой конференции профессор московского физического института при МГУ — Е. Тамм, Ю. Руммер, Г. Ландсберг и Г. Гессен. В беседе приняли участие писатели: В. Иванов, В. Лидин, Ив. Касаткин, Б. Яценский, Ф. Березовский, Л. Леонов, П. Романов, П. Демидов, А. Караваев, А. Эфрос, К. Зелинский и др.

Тов. Зелинский информировал собравшихся о том, что издательство «Советский литературный университет» выпуска научно-художественной серии, которая будет осуществлена советскими писателями при непосредственном содействии и участии авторитетных ученых. Согласно на участие в этом интересном начинании дали уже В. Инбер, Л. Кассиль, С. Третьяков, В. Шкловский и др.

Красный список литературы к Октябрьскому составу Оргкомитет союза писателей совместно с ячейкой совплателей.

В список включено 73 названия лучших произведений советских и зарубежных пролетарских писателей. Список разослан по всем клубам и библиотекам.

Сегодня вечером в Большом театре на торжественном заседании, посвященном 15-летию комсомола, пионеры Москвы в своем рапорте представят счет работникам искусств. Двадцать писателей и композиторов жили в московских пионерлагерях, Желе, чтоб из письменных столов и пишущих машин... хором предкамаируют ребята.

СЧЕТ ЧИТАТЕЛЯ

Актив читателей был в полном сборе. Библиотекари не отстали. А из писателей, перечисленных выше, присутствовал один только В. Ильин. Что причиной? Неизжитый еще, к сожалению, у нас своеобразный «кодекс морали», позволяющий оперировать именами людей, даже не оповещенных об этом, или беззаботное отношение к ним писателей к данному им обещанию?

Как бы то ни было, читательская масса, наполнявшая большую Зал профсоюзом, оказалась обманутой. А ведь она пришла сюда для того, чтобы предьявить счет не только издательствам, но и писателям.

Поневоле пришлось ограничиться высказываниями по одному листочку председателю правления ГИХЛ т. Накорякову.

Все выступления явились блестяще иллюстрированной к основным положениям доклада о том, что «культурный уровень нашего колхозного и рабочего-читателя повышается с каждым днем, что он жадно стремится овладеть основными достижениями мировой литературы и что требование его к советскому писателю

становится лучшим советским и иностранных авторов, обширными выдержками, документами и иллюстрациями, из наиболее известных зарубежных органов печати следующий номер (№ 26)

покажет в живой, наглядной форме картину жизни на планете нашего родного шара на пороге пятой голодной зимы.

Требуйте журнал в ближайшем книжке.

ОТ ОРГКОМИТЕТА ССП

Оргкомитет ССП СССР с 26 октября с. г. объявляет прием слушателей в Вечерний рабочий литературный университет.

В Вечернем университете организуется следующие творческие отделения:

- а) отделение прозаиков, б) поэтов, в) сатириков, г) драматургов, д) критиков.

ПРАВИЛА ПРИЕМА

1. На все отделения у-та принимаются рабочие-авторы, литкружковцы, начинающие писатели, имеющие образование в объеме семилетки и проявившие себя творчески. Обучение бесплатное без отрыва от производства.

2. Для поступления в у-т необходимо представить документы: заявление, характеристику партийных и общественных организаций (для литкружковцев), справку об образовании, художественные произведения, характеризующие творческое лицо поступающего.

3. Заявления принимаются в секторе по работе с молодыми писателями (ул. Вороского, 50) по 10 ноября включительно.

4. Занятия начнутся с 15 ноября 1933 г. ОРГКОМИТЕТ ССП СССР.

издательствам чрезвычайно высоки и принципиальны. — Дайте литературоведческие и критические пособия! — заявляет т. Шпайер (библиотека им. Ломоносова), останавливаясь на тематических заметках ГИХЛ на 1934 год: — ведь на книжном рынке буквально пропал в этой области.

— Почему в плане отсутствует научно-фантастическая литература? — спрашивает т. Ильин (завод «Машинетр»): — спрос на эту литературу очень велик, а возможностей удовлетворить — буквально никаких.

— Побольше классической литературы, побольше революционной романтики, побольше внимания к рабочему-автору! — требуют т. Афанасьев (завод «Шарикоподшипник») и Сабанев (завод им. Орджоникидзе).

Часть ораторов выражает удивление по поводу недооценки руководством ГИХЛ поэтической литературы. Она предусмотрена в плане в ничтожной степени, а между тем книги поэтов берутся парасхват, зачитываются до дыр.

Основной упор все делал, конечно, на вопросы о стоимости книги. В своем докладе т. Накоряков упустил эту «мелочь» из виду. Но, возражающий к реальности настоящих требованиям выступающих, он в заключительном слове сообщил, что в последнее время цены на гихловские издания снижены на 15 процентов и что в будущем году предусматривается снижение еще на 15 процентов.

ДЕЛЬМАН Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение. АДРЕС РЕДАЦИИ: Москва, Тверской б. 25. Дом Гарцена, 3 этаж. Тел. 2-80-12.

ВЕЧЕР СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СОВМЕСТНО С МОСКОВСКИМ АКТИВом КОМСОМОЛА

МК ВЛКСМ, Оргкомитет союза советских писателей, редакция «Комсомольской правды» и «Молодая гвардия» приглашают вечер писателей совместно с активом комсомола г. Москвы.

ПОРЯДОК ДНЯ: 1) Роль комсомола в деле переустройства литературных организаций. Доклад В. Вубутина. 2) Молодежь в советской литературе на 15 лет. Доклад Г. Коробельникова. Вечер состоится 8 ноября в Колонном зале Дома союзов в 6 час. веч. Билеты распределяются через райкомы.

С октября т. г. начинает выходить новый журнал ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАКАВКАЗЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬ

Открыта подписка на IV квартал 1933 г. ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ ПОДПИСНАЯ ПЛАТА На 3 мес. — 9 руб. Цена отдельного номера — 3 руб. В целях своевременной доставки журнала просьба подписку направлять непосредственно издательству — ЗагИЗ, Тифлис, пр. Руставели, № 36, 4-й этаж.

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ и НА ДНЯХ ВЫХОДИТ в свет № 9-10 ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА

ПОСВЯЩЕННЫМ XVIII ВЕКУ ПУБЛИКАЦИИ: ПОДПОЛНОВАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА. Публикации Г. Гусевского и В. Орлова. КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОВЕСТИ XVIII ВЕКА. Публикации В. Ржиги, «ХОЗЯЙСТВО ПОДА САВНЫ» — Неизданная антикварная повесть XVIII века. Публикации С. Еленовского. СОЛДАТСКИЕ СТИХИ XVIII ВЕКА. Публикации Г. Гусевского. ИЗ НЕИЗДАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЛЬВОВА. Публикации Г. Гусевского. «КАК ХОЧЕТЬ НАЗОВИ» — Неизданная повесть XVIII века. Публикации М. Ильина. НОВАЯ РЕДАКЦИЯ «НЕДОРΟΣЛИ» Фонвизина. Публикации Корнилова П. Березовского. ИЗ НЕИЗДАННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЛЬВОВА. Публикации З. Артамонова. «РАССУЖДЕНИЯ О РОССИЙСКОМ СТИХОТВОРСТВЕ» — Неизвестные статьи ХЕРАСКОВА. Публикации П. Березова.

ОБЗОРЫ ЗА ИЗУЧЕНИЕ XVIII ВЕКА. Обзор Г. Гусевского. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО ЛОМОНОСОВА. Обзор С. Червова. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО РАДИЩЕВА И НОВИКОВА. Обзор Я. Барскова. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО КНИЖНИКА. Обзор М. Габеля. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО ДЖЕГАВЦА. Обзор Г. Гусевского. АРХИВ ВОРОНЦОВЫХ. Обзор И. Троцкого.

СОБЩЕНИЯ У ИСТОКОВ ДВОРЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — ПОЭТ СОБАКИН Сообщение П. Березовского. ПУТАЧЕВИНА В ДВОРЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА. Сообщение С. Еленовского и Г. Александрова. КРЕЧЕТОВ — ЗАБЫТЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТ XVIII ВЕКА. Сообщение М. Ильина. ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО СЫСЬКИ РАДИЩЕВА. Сообщение И. Троцкого. ИЗ ИСТОРИИ ХУДОЖНИКА XVIII ВЕКА МАХАЕВА. Сообщение М. Ильина. ПОПРЕ: ПУТАЧЕВА В ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ. Сообщение М. Бабенчикова.

ГРИБУНА О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА. Статьи Д. Митина ПРОТИВ СХЕМАТИЗМА И ВУЛЬГАРИЗАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА. Статья И. Сергеевского. ХРОНИКА В номере свыше 500 страниц, 150 иллюстраций и одна четкая рисунка. Ориентировочная цена номера — 1,5 рублей. ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, А. Страстной бульвар, 11. Журга об единение.

МОБИЛИЗОВАТЬ ПИСАТЕЛЕЙ НА БОЛЬШИЕ ДЕЛА

17 октября под руководством зам. председателя комиссии Оргкомитета по изучению краевой и областной литературы т. В. Ильинкова состоялось совещание ответственных руководителей краевых бригад, выделенных комиссией.

Московской бригадой (рук. — Г. Сербрикова) уже развернута большая работа по установлению связи с литконсультантами журналов и издательств, приступлено к библиографии и ознакомлению с книгами, выпущенными за период с XVI партсъезда; намечено провести несколько вечеров и совещаний с библиотекарями, читателями и литкружковцами на крупнейших предприятиях Москвы и области. Все члены бригады разбиты по секциям (драматургия, критика, проза, стихи) и приступили к работе.

Северокавказская бригада (рук. — т. О. Войтинская) занята просмотром художественной литературы края. Бригада уже имеет ряд рецензий на книги. Отзывы подготовлены к печати. Бригада устанавливает непосредственную связь с авторами. В ноябре предполагается выезд в важнейшие пункты Северокавказского края.

Бригада по Северному краю (рук. т. Г. Алексеев) уже прочтена и изучена вся краевая литература и журналы, выпущенные за прошлый и текущий годы. Подготовлен вечерний обзор краевой литературы Бригада готовится к поездке на места — в Архангельск и Мурманск.

Бригада по Западной Сибири (рук. — т. В. Ильинков) приступила к изучению местной литературы и журналов, установила письменную связь с краевым оргкомитетом, готовит большую статью о западно-сибирской художественной продукции, организует библиотеку западно-сибирской литературы. В связи с приездом поэта Н. Алексеева из месяца в месяц в Москву, комсомольские ячейки и поэты в ноябре предполагают выезд бригады в Новосибирск.

Приступили к ознакомлению с краевой литературой бригады по Уралу (рук. — Горбатов), по Средней Волге (рук. — Чертова), по Н. Волге (рук. — т. Галин), по Восточной Сибири (рук. — Шухов).

После сообщения руководителя о ходе работ в бригадах председатель комиссии по изучению литературы краев и областей РСФСР т. Панферов сделал сообщение о поездках совместно с тт. Галиным, Безмяским, Исбахом, по Уралу, Северному Кавказу и Средней Волге.

Тов. Панферов отметил колоссальный интерес к литературе со стороны читательской массы.

— В Свердловске, несмотря на плохую погоду, на литературном вечере присутствовало около тысячи человек. В Ростове-на-Дону, где подготовку взяли на себя партийные организации, на вечер собралось около двух тысяч человек. В Самаре в вечер приняли участие секретарь крайкома т. Шубриков. Благодаря помощи местных партийных организаций, мы сумели втянуть в обсуждение вопросов литературы огромные массы партактивистов, читателей и библиотечек.

Характеризуя состояние краевых литературных организаций, т. Панферов обратил внимание на беспрецедентную сколку и группировку, которая имеет место в Ростове-на-Дону и в Самаре.

На Урале, Средней Волге и на Северном Кавказе имеются талантливые писатели и поэты. Но в большинстве своем они занимаются пустяками и богатую творческую энергию расходуют на литературные безделушки.

— Надо, — говорит т. Панферов, — мобилизовать местных писателей на большие дела, на серьезную литературную работу. От бригады нашей комиссии на местах ждут серьезной помощи. Наши бригады должны укрепить аппарат местных оргкомитетов и их фракций, ознакомиться с делами издательства и наладить их работу, отобрать лучшие вещи для печати в центральных изданиях, помочь созданию соответствующих материальных условий для работы местных писателей, организовать освещение литературной жизни и работы краевых писательских организаций на страницах «Литературной газеты», привлечь в состав бригад представителей местных оргкомитетов.

Присутствовавший на заседании комиссии зам. председателя оргкомитета Западной Сибири т. Н. Алексеев, наряду с информацией о состоянии краевой литературной организации, заявил:

— Письмо бригады (поглавляемой т. Ильинковым), полученное нашим оргкомитетом, очень ободрило местных писателей, — в Москве о нас мало пишут, мало говорят.

М. П.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ № 10 ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б) «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ: Проза и стихи. С. Колбасев — Огонь, вода и стальные трубы. П. Кузнецов — Выходка. В. Ганибесов — Разговор под окошечками. П. Луканцев — Песня о Габо. О. Пауэр — Героические будни (фото-очерк). В. Гаврилов — Шефская заповедь. И. Бубиас — Возвышающийся воина. Н. Денисов — Угол атака. А. Овсина — Марш туристов. А. Калинин — Усобище гяки. ЗАРУБЕЖНОЕ МАССОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ. В. Лавинский — Решающий перелом. По ЛИТЕРАТУРНЫМ КРУЖКАМ. А. Лестов — Литкружок 1-й Лен. армшкола. ЛИТСТРАНИЦА ГАЗЕТ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА.

СОДЕРЖАНИЕ: Проза и стихи. С. Колбасев — Огонь, вода и стальные трубы. П. Кузнецов — Выходка. В. Ганибесов — Разговор под окошечками. П. Луканцев — Песня о Габо. О. Пауэр — Героические будни (фото-очерк). В. Гаврилов — Шефская заповедь. И. Бубиас — Возвышающийся воина. Н. Денисов — Угол атака. А. Овсина — Марш туристов. А. Калинин — Усобище гяки. ВОПРОСЫ МАССОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ. В. Лавинский — Решающий перелом. По ЛИТЕРАТУРНЫМ КРУЖКАМ. А. Лестов — Литкружок 1-й Лен. армшкола. ЛИТСТРАНИЦА ГАЗЕТ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА.

В. Лавинский — На пути к первому (литстраница) «Кр. звезды» (СВАО). Т. Немчинова — Массовая работа «Кр. звезды» ЛВО и «Кр. Вост. флота». НОВЫЕ ОБОРОНЫЕ КНИГИ. Р. Б. — Член-депутатом. И. Звонтов — «Оборона» — лит.-худ. сборник. ЛИТЕРАТУРА ХРОНИКА. Писатели о работе литкружков. Литературная жизнь РККА и ф. За рубежом. Библиограф. В. Бродского. Фото. О. Пауэра.

Подписка принимается с 1 июля до конца года. Цена: на 6 мес. — 6 р., на 3 мес. — 3 р. Полника принимается помесячно на почте, газетным бюро Союзпечати, а также магазинами ГИЗТА.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ № 10 ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б) «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ: ПРОЗА. М. Горький — Вперед и выше, комсомолец! А. Караваев — Поэтический фронт, рассказ. С. Канычиков — История моего бытия, книга вторая, продолжение. И. Пухов — Последний полдень, пьеса. В. Сайнов — Катиле, рассказ. Е. Колпцова — Семья старика Фриде, рассказ. А. Нобак — Потопчана, рассказ. Д. Овси — Аюб и Даму — комсомольцы гор, рассказ. СТИХИ: М. Светлов, В. Гусев, С. Шапачев, М. Шестериков, И. Башмашиков. ПУБЛИЦИСТИКА: С. Андреев — Героический путь (К 15-летию комсомола). ОЧЕРКИ: Ф. Расколников — Марс Ульманов. Е. Бобинская — Великий воспитатель масс (о Ф. Державине). С. Рогов — Молодежь на подступах к Кронштадту, воспоминания. ЗА РУБЕЖОМ: Пан-Пай — За кулисами Гомканды, перевод с китайского А. Ильина, продолжение.

НАУКА И ТЕХНИКА: Проф. Е. Вокко — За тобою оазис науки в художественной литературе. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: И. Нунинов — Два молодых человека. Г. Колесников — В поисках положительного героя («Юность» В. Левина). В. Росоловская — О двух романах Георгия Вутовского. Г. Бронман — О молодежной литературе вообще и о «Молодая гвардия» в частности. С. Гинбург — Люди социалистической стройки. Н. Писко — Поэт комсомола. Е. Русакова — Огнев — молодежный писатель. А. Тарасенко — Скака и действительность. РЕЦЕНЗИИ: Писатели и читатели: Камилл Нугманов (Яппи) — Пьеса В. Беломерова. МОЛОДОГВАРДЕЙСКИЕ ДНЕВНИКИ.

Подписная цена: 6 месяцев — 10 руб., 9 мес. — 12 руб., 24 мес. — 24 руб. Подписка принимается по почте, у писемослужбы и в магазинах Книгоцентра. При журнале работает литературная консультация. Прием ежедневно с 2 час. — 5 час. ОГИЗ «Молодая гвардия».

К XVI ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ «ВО» «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Выходит из печати, на днях рассылается № 11 полн. циклом и печатается в продаже (ноябрь) ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОРОННОГО ЖУРНАЛА

«ЗНАМЯ» Номер составлен в основном из произведений молодых писателей из рядов Красной армии и флота. В ПОИСКЕ: Сбит Мухомов — парад, повесть, перевод с казахского. В. Квост — Девушка залотила летать, рассказ. «Утренняя звезда» — Пленочка, стихи. Ю. Ивановский — Чубенок, командир полка, рассказ, перевод с украинского. Алексеев — Гай — Маневренный, стихи. Д. Либман — Поэт, рассказ. И. Мамин — Торпед, рассказ. В. Караваев — В долготочный стихик. Ал. Зусев — Мир поднимая, повесть (окончание). Ст. Шапачев — Зима, стихи. П. Лив — Любовь в парке королевы Виктории, рассказ. Г. Фиш — Поручик Далука, рассказ. И. Воробьев — Говорит «Марс», очерк. ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. М. Мерян — Октябрь в В. армии северного фронта. НА ФРОНТАХ ЛИТЕРАТУРЫ: И. Свиридов — Военно-феодалальный империализм и пролетарская литература. Лестов — С помощью женщины. СМОТР ОБОРОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Ал. Тарасенков — О повести Прокофьева. БИБЛИОГРАФИЯ: Ю. Серуев — Возрождение поэта (о «Возрождении» Лавинского). С. Карамазов — Великие комсомольцы и великие поэты (о «Молодых волках» Вукуса). М. Хавлов — Об «Больших героях маленькой страны». В номере 8 вкладок — репродукции о картинах выставок «15 лет РККА» и «Художники РСФСР на 15 лет».

Подписка принимается на почте, писемослужбой и в отделе. Союзпечати. УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: На год 24 р. На 6 мес. 12 р. На 3 мес. 6 р. На 1 мес. 2 р. Требуйте журнал во всех книжках.

ЖУРНАЛ «ЗНАМЯ» ВКЛЮЧЕН В РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК Для библиотек подбираться комсомольский журнал за 1933 год. О заказах обращаться по адресу: Москва, Тверской бульвар 25, Издательство «Советская литература».